

МЕТОДОЛОГИЯ СИСТЕМОГЕНЕТИКИ: СПЛАВ ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

1. ПЛАТФОРМА СИСТЕМОГЕНЕТИКИ

В качестве методологии мы используем *экзистенциальную системогенетику* [6]. В основе этой методологии лежит синтез знания и понимания, положений философии, герменевтики и науки. Как он происходит, во многом и демонстрирует данная статья.

1.1. Аксиоматика системогенетики

Сначала о том, что такое методология в общем виде: это — *совокупность* принципов, в отличие от методики, которая есть *алгоритм*, выборка + сборка, сценарий из этих самых принципов. Статика и динамика заявлены уже в этом разведении, и они неразрывны: в первом случае мы говорим о составе, во втором — об алгоритме.

Системогенетика — *интегративный межнаучный комплекс*. Он сводит воедино широко понимаемую системность и все виды эволюционно-генетических учений, а методологию системного подхода дополняет генетической. Он выстроен в ментальной парадигме науки, и в этом смысле комплекс системогенетики является позитивистским. Это — очень развитый, изощренный, изысканный, но все равно — позитивизм.

Существует несколько определений данного комплекса. Перечислим характерные определения системогенетики [15], имеющие предельно общий вид.

1. Системогенетика — это новый **интегративный комплекс** в науке, ориентированный на выявление закономерностей наследования в системном мире.

2. Системогенетика — это **инвариант системы законов** преемственности и обновления в развитии, отражающий общее для разных областей научного знания.

3. Системогенетика — это **внутреннее содержание эволюции**, определяющее механизм ее движения.

Аппарат системогенетики позволяет *объединить статику и динамику*, наиболее общие инварианты как систем, так и их движения, развития, эволюции. В качестве единиц здесь фигурируют *состав, структура и цикл* системы.

У системогенетики есть очевидное преимущество: она позволяет иметь дело с любыми типами систем, а потому — с любыми типами эволюций. В ее арсенале есть и возможность ее специализации по предметному принципу: *абиогенетика, биогенетика, техногенетика, социогенетика*, а также *культурогенетика и антропогенетика*.

Все лучшие философские теории Нового времени в определенной мере системогенетические, хотя такое заявление есть разновидность научной редукции философии. Но именно так поступил еще А.А. Богданов в своем эмпириомонизме, открывшем XX век. Из близких посылок выросли и кибернетика, и синергетика, научно далекие, но философски близкие к прагматизму.

Между тем параллельно с прагматизмом в XX веке существовала и другая ветка — экзистенциальная. О ней речь пойдет в конце статьи.

В системогенетическом подходе ключевым является представление об *иерархически организованной вложенности* системного и циклического миров. В простейшем варианте речь идет об уровнях: “микро-”, “мезо-” и “макро-”. Для системогенетики три уровня альтитуды — это простейший случай; уровней иерархии может быть и значительно больше трех.

Если свести всю проблематику системности к знаменателю, то им окажется единство *состава и структуры*, и это единство предстает как целое, как **качество** системы

(“дельта плюс” системы). Качество системы сопоставляется с ее функцией и обязательно — с циклом жизни системы: это — разные ракурсы одного и того же, о чём речь пойдет ниже.

С иерархической точки зрения, перед нами — три уровня:

микроуровень (*подсистемы*) содержит состав системы;

макроуровень (*надсистема*) задает структуру системы;

а *система*, с ее качеством и цельностью (целостностью), описывается на мезоуровне, где и живет как цикл (несущий цикл системы).

Вторая составляющая системогенетического метода — набор *генетических* понятий и законов [14], изучающих возникновение и жизнь систем в терминах “движение, развитие, эволюция, генезис”, “подъем, стабильность, стагнация”, а также фиксирующих переломные точки циклического развития в терминах “кризис, революция, бифуркация” и т.д. В этом моменте системогенетика пересекается с синергетическим набором понятий, что требует специального анализа этого различия.

Итоговый *системогенетический аппарат* для простоты сводится нами к следующему инструментальному набору: **состав, структура, цикл** (целостность). Состав и структура образуют единство в *статике*, цикл — в *динамике*. Цель системы и ее целостность здесь совпадают с понятием цикла (несущий цикл системы).

С помощью этих трех инвариантов можно проиллюстрировать полный набор в определениях любого понятия. Продемонстрируем графически-смысловое выражение совокупности статико-динамических закономерностей. Для этого свяжем наши термины с простейшими геометрическими фигурами.

Цикл (цель, целое) — *круг*.

Единство статики и динамики (системо-генетика) — *крест*.

Иерархия (структура системы) — *треугольник*.

Состав системы — *квадрат*.

	Числа	Геометрические фигуры
Несущий цикл системы	1	
Движущее противоречие	2	
Троичность иерархии (структуре)	3	
Четверичность состава	4	

Рис. 1. Связь чисел-инвариантов и основных геометрических фигур с общенаучным системогенетическим содержанием.

Этот сводный блок можно трактовать и как связанную последовательность, выводящую на **номологию** (систему законов) системогенетики. Мы ее изложим здесь предельно коротко, поскольку основы ее уже фундированы и детализированы [14].

1.2. Номология системогенетики

Отметим, что наша методологическая “лоция” связывает единое, двоичное, троичное и четверку: цикл (целое), индикационное противоречие, иерархию предмета, развертку его меры в четыре типа. Это позволяет отвечать на основные вопросы теории и истории.

Рассмотрим связи между понятиями (в схемах) на примере из теории менталитета [7].

1. Цикл + противоречие.

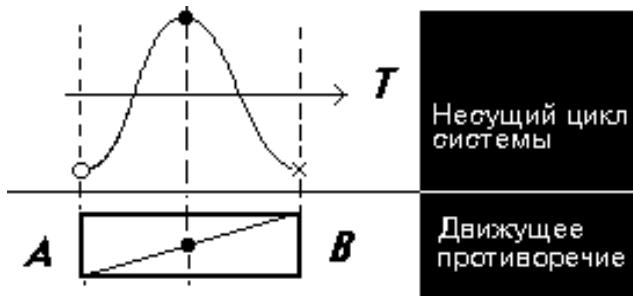

Рис. 2. Связанность цикла с движущим противоречием.

Противоречием мы традиционно называем взаимодействие взаимоподразумевающих и взаимоисключающих сторон. Важно подчеркнуть, что речь идет о связанности цикла с движущим противоречием. Движущее противоречие — наиболее существенное противоречие системы.

В нашем случае в этом качестве выступает *человечество и человек, реальное и идеальное*. В парном виде в теории ментальности есть два предела: философия ментальности и ментальная антропология (ментальные проявления отдельного человека), — но такой взгляд учитывает лишь пределы иерархии в социальном измерении. Названная пара шире по смыслу, и для нас она важна как *парный индикатор*.

Философия ментальности актуализирует роль *человечества* (родовое, общее), антропология — роль *человека* (единичное). Например, в первой трети XX века К. Юнг говорил о роли общественных архетипов родового уровня, а самое актуальное сегодняшнее направление — нюансы эксклюзивности вкуса.

2. Цикл + иерархия. В системном отображении предмет теории ментальности имеет *иерархическое отображение*, как минимум, трехуровневое. Пределы иерархии константы, середина изменчива.

Сопоставляя уровни с масштабами, отметим, что уровневость будет относиться к трем разным субъектам: *человечеству, обществу и человеку*. Разные масштабы, соответственно, базируются на разных мерах. Существует *мера человеческого рода* (человечества), и она характеризуется макромасштабом. Существует *индивидуальная мера человека*, моя мера, характеризуемая микромасштабом. И человечество, и человек — константы истории, они не меняются в настоящем принципиально.

Наконец, *общество* — системная середина иерархии, мезомасштабная. За неимением собственной меры общество стоит на соотношении мер человечества и человека. Общество есть система, а менталитет общества — самая важная для нас составляющая.

Перед нами — системно-иерархическая конструкция, аналогичная множеству иных иерархий:

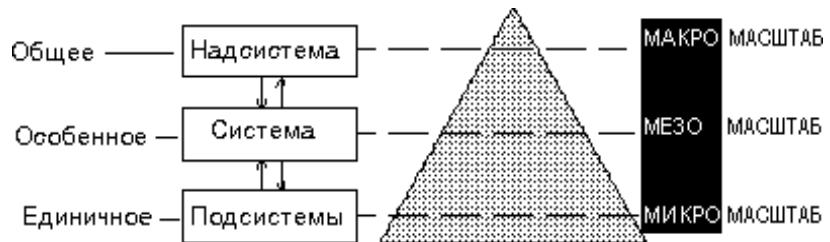

Рис. 3. Иерархия — три уровня ментальности и три меры.

Цикл развития науки, в нашем случае — науки о ментальности, отображающий большой цикл культурной жизни, начинается с макромасштаба (человечество и его родовая роль в ментальном), продолжается в мезомасштабе (ментальные модификации как отражение состояния подвижной меры общества), а завершается в микромасштабе (антропологизм, *ментальность изнутри человека*). Пределы двух мер, верхней и нижней, оформляются в циклах истории как всеобщий канон и личный *модус*. Середина этого — стиль.

Внутри всякого ментального цикла изменяется масштабность и пропорция двух мер. Это отражает закон “иерархия в цикле” в масштабном выражении.

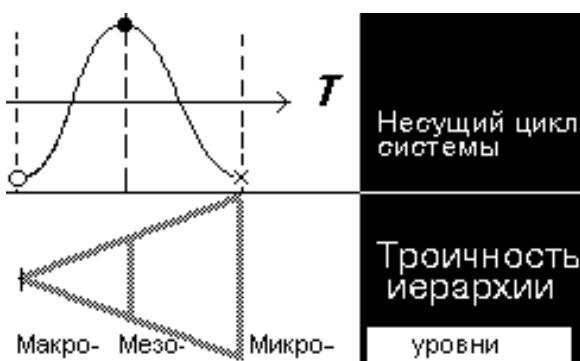

Рис. 4. Связь иерархии с большим ментальным циклом.

Данный ход позволяет наметить в каждом большом цикле ментальности *три этапа*. Об этом мы поговорим чуть позже подробно, потому что это и есть ключ к исторической теории менталитета.

В общем виде определим три фазы (становление, равновесие, деградация), которые можно охарактеризовать через стороны противоречия:

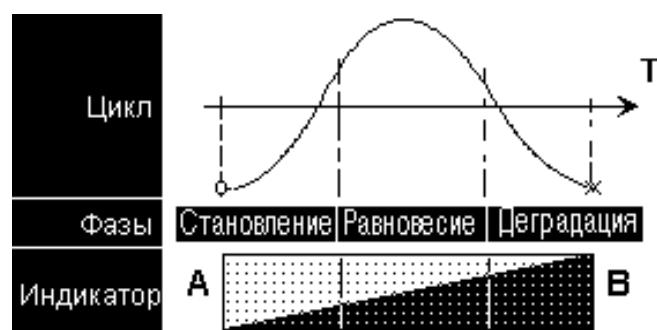

Рис. 5. Три фазы цикла.

При переходе к подсистемам мы увидим, что это — три фазы, каждая из которых связана со своей подсистемой. В теории менталитета они фигурируют как три категории, имеющие фазовое *выражение*:

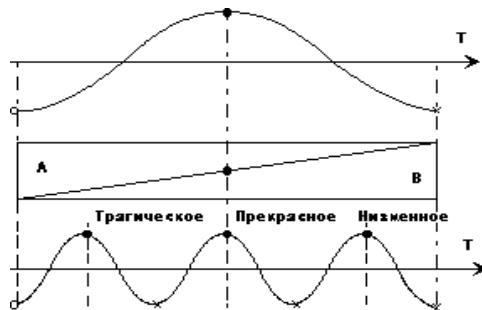

Рис. 6. Три фазы — выразительные ментальные категории.

3. Цикл + состав. Этот закон будет интересовать нас при разговоре о морфологии ментального мира. При помощи морфологических построений выражается **закон канализации ментального**.

Мы связываем представленным ниже способом состав и цикл системы.

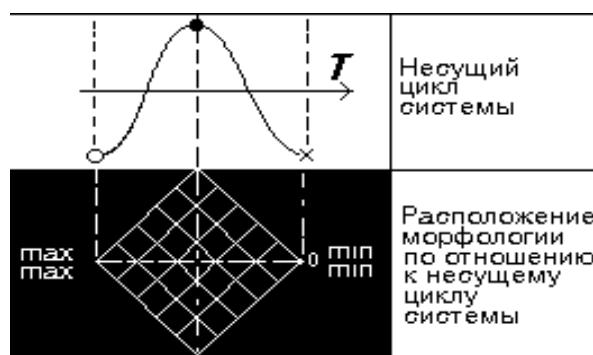

Рис. 7. Цикл и состав системы.

Рисунок показывает связь спектра состава и ментального цикла. Он демонстрирует закономерность смены доминант в модусах состава по мере видоизменения, жизни одной и той же ментальности.

* * *

Это не все, что можно сказать о методологии исследования, но сказанного достаточно для наших целей. Формулы наших главных методологических ходов в численном выражении удивительно просты: 1+2; 1+3; 1+4.

Понятно, что мы можем использовать и другие комбинаторные формулы [7].

2. ПЛАТФОРМА ФИЛОСОФИИ

2.1. Аксиоматика философии

Мы будем говорить только о европейской философии и науке, а если обратимся к другой, то специально оговорим это.

В троичной иерархии (общее — особенное — единичное) любая теория может быть рассмотрена как часть философии. В этом случае она относится к уровню общего, т.е. выступает как предельно абстрактное из возможного в познании. На данном уровне предмет теории есть специальный предмет философствования.

Поскольку теория способна выступать как часть философской системы, можно дать столько определений предмета теории, сколько философских систем было в истории. Но это будет иметь отношение скорее к философии, чем собственно к теории. Следовательно, на макроуровне типов теорий столько, сколько философских систем.

Введем первое различие.

2.1.1. Основные подразделения философии

Проблемы философии можно рассматривать изнутри и снаружи. Изнутри это будет состав внутрифилософского мира, снаружи — таксономические варианты членения его единого предмета — Универсума. Далее мы применим наш единый способ группировки — 1-2-3-4.

“Моно-”. *Философское знание* в моновиде есть учение о целом, о монаде, о Дао и т.п. В познавательном отношении именно единство мира выступает как основание его познания. Мир един, и это — Универсум (“все”). У него есть Путь (Дао).

Здесь мы найдем Субстанцию, под каким бы именем она ни скрывалась в разных философских системах. Эта категория возникает, когда мы пытаемся обнаружить начало мира.

Мир всегда в движении, и это — Путь (Дао). Необходимо помнить об этом, ведь только отсюда берет начало философия времени и в целом, и в частностях (например, философия истории). А Дао можно только понимать, но не знать.

Если мы примем принцип Бытия, то предстанет единство сущности и существования. Вместе это выглядит примерно так:

Рис. 8. Исходные категории в отношении к сущности и существованию.

Соответствие сторон здесь неполное: единое тоже можно рассматривать в ракурсе его существования, а субстанция имеет ракурс сущности. Но определенные тяготения есть, то есть выбирается домината. Исходим или из вневременного единого, или из развивающейся субстанции.

Устранить дуализм, упрощенно выражаясь, “статику и динамику” философии (как и любого другого) не удается. Это видно даже в формах геометрического отображения: восточный способ представления мира через круг противостоит западному — квадратному в основании. Нерасчленимость движущегося всегда противоположна аналитическим потенциям. И потому китайская философия журчит, как поэзия, а западная весьма напоминает описание имущества.

Философия в ее методологии всегда будет “кентавром”.

Парность. Кроме сказанного выше в парном виде философия представлена онтологией и методологией. “Истина и метод” Г. Гадамера отражает примерно этот ракурс, только его общность меньше. Дуализм бытия и познания неразрешим.

В главном предмете философии — Универсуме — мы различаем миры природы (натуры) и культуры, искусственного и естественного. Отсчет идет от высшего яруса, наиболее актуального для социума. Природа есть “все прочее”, кроме нас.

Троичность. Она в философии держится на иерархии. Она применима ее либо к философии, либо к Универсуму.

Состав философского знания в троичном виде следующий: гносеология, аксиология, праксиология. Эти уровни мы рассмотрим ниже развернуто.

Философия опирается на иерархическую трактовку Универсума. Это учение о трех мирах; как у Данте: Рай, Чистилище, Ад.

Или в естественном: о неживом, живом и социальном.

Или, в другом варианте, различаются типы философии по предмету:

- философия природы (философия естествознания);
- философия человека (философская антропология);
- философия общества (социальная философия).

Четверичность. В случае с четверкой мы поменяем местами внутреннее и внешнее, поскольку отдельно рассмотрим четверичный состав самой философии чуть ниже. Начнем опять с предмета.

Универсум в четверичном виде подразделяется на четыре типа, чему соответствуют четыре раздела философии:

- а) неживое, или абиотический мир, — философия физики и химии;
- б) живое, или биотический мир, — философия живого мира (биологии);
- в) человек — философская антропология;
- г) социальное, мир общества, — социальная философия.

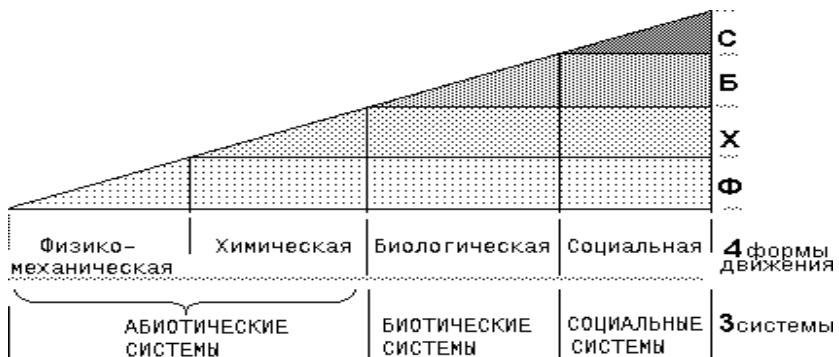

Рис. 9. Ступенчатая диаграмма систем и форм движения.

Понятно, что здесь философия естествознания просто членится надвое по предмету, но современный процесс жизни философии показывает, что это членение актуально, и оно идет вглубь.

Наша основная задача — получить нечто связанное и непротиворечивое, поэтому из ряда вариантов мы выбираем один:

СОСТАВ			объективный материализм
МОНАДА	ОНТОЛОГИЯ МЕТОДОЛОГИЯ	гносеология аксиология практико-логия	объективный идеализм субъективный идеализм субъективный материализм
УНИВЕРСУМ	КУЛЬТУРА НАТУРА	философия природы философия человека философия общества	философия физики и химии философия живого (биологии) философская антропология социальная философия
ПРЕДМЕТ			
1	2	3	4

Рис. 10. Развертка философии через числовые инварианты 1-4.

Остальные способы деления по отношению к предельной развертке — внутренние. Например, внутри *философии общества* могут существовать такие разновидности, как философия культуры, философия техники, философия права, философия религии и т.п. Бывают и более мелкие внутренние членения, но эти проявления не всеобщи, а исторически преходящи, в то время как четыре обозначенных предмета в разной мере проявлены уже в философии древнегреческой. Если говорить об инварианте в истории, то четверка может трактоваться как способ членения универсума. Такова классическая философия Нового времени.

У всех четырех предметных областей философии есть своя динамическая составляющая, способ разворачивания сущности в существовании. Однако не все части философии развиты в динамические теории философского уровня. У социальной философии такая часть есть — это *философия истории*. Остальное в разной мере представлено в философском и научном эволюционизме.

Невелика еще философия истории человека.

2.1.2. Разделение философских концепций по ключевым позициям

С тех пор, как Платон поделил миры на Мир Идей и Мир Вещей, возникло всего одно парное дополнение к этой схеме: точка зрения *изнутри или снаружи*, позиция Субъекта или Объекта. Отчего бы не объединить оба подхода?

Тогда в самом крупном плане мы увидим **четыре философские позиции** — основные типы философствования.

ОБЪЕКТ	объективный материализм	объективный идеализм
СУБЬЕКТ	субъективный материализм	субъективный идеализм
	МАТЕРИЯ	МИР ИДЕЙ

Рис. 11. Четыре основные позиции в философии.

Перед нами — четыре философско-методологических ключа:

- а) ключ объективного материализма;
- б) ключ объективного идеализма;
- в) ключ субъективного идеализма;
- г) ключ субъективного материализма.

Три типа в истории философии советских времен были хорошо известны (объективный идеализм, субъективный идеализм и объективный материализм). Последним по времени его проявления стал современный тип (прагматизм, экзистенциализм и т.д.), который в отношении к миру (“я и мои цели есть исходное”) как раз и демонстрирует метод *субъективного материализма*: мир материален, но его отсчет идет от меня. Этот тип философствования реализуется, когда Душа и Дух для человека перестают быть ценностью, и остается только тело (“живем один раз — бери от жизни все”). Другой вариант: человек все свое делегирует обществу — он сам никто, ему даже тело его не принадлежит.

* * *

Из общефилософского ракурса многое берется для научной теории. Например, субъектность или объектность, материализм или идеализм — это определенная *точка зрения на предмет*, задающая позицию, а отсюда и методы исследования. Но все это принадлежит не теориям, а тем или иным философским системам, через призму которых ведется исследование.

Существует разряд так называемых *философов-дуалистов*, использующих смешанные типы философствования, где часть вопросов решается материалистически, а часть — идеалистически или же — и субъектно и объектно. Подобное можно прочесть и об Аристотеле, и о Вольтере, и о многих других не менее известных философах, но это — отдельная тема. Выдержать “чистый тип” философской методологии не удавалось, скорее всего, никому из великих.

В жизни все чуть-чуть иначе и мудрость отличается от многознания. Например, Вольтер как цельная личность, как писатель и моралист, был просто обязан видеть мир во всех ракурсах — только так и приобретается цельность. Но это имеет отношение не к знанию и познанию, а к пониманию.

* * *

По отношению к теории на этом уровне специфично задаются ее **исследовательская позиция и метод, ее предметность и иерархическое место в устройстве знания**. Не определившись на философском ярусе, спорить о теориях бесперспективно.

Нет смысла и пытаться смешать в единый ком категории, понятия и термины, возникшие в разных философских системах. Большинство таких понятий и терминов не только исторически конкретно, но еще и упорно не желает отделяться от породившей их исходной философской системы — это правильно. Критиковать неотомизм с позиции объективного материализма так же бессмысленно, как и делать обратное.

Смотреть на предмет с разных точек зрения, меняя позицию, но всякий раз сохраняя ее целостность, нужно и даже полезно — только это и формирует *понимание целого*. В этом и состоит суть экзистенциальной системогенетики [15], которая принцип “поли-” распространяет и на философию. В таком случае знание неотделимо от понимания.

Способ философствования в экзистенциальной системогенетике состоит в последовательном отображении чего-либо в четырех философских позициях.

Кстати, средневековье рассматривало науку именно как “сумму” — сумму разных точек зрения, сумму вполне равноправных частей. Поэтому ведущим методом в средневековье и была герменевтика. Наука Нового времени перешла к системности — в результате появилось новое эмерджентное целое, которое *больше суммы* частей. Но оно уже вне человека.

В чем же различие этого подхода с эклектикой? Эклектика — это свалка декомпонованных частей разных подходов с разными языками, а полиэкранное понимание — это ядро герменевтики, здесь всякое целое сохраняется в неприкосновенности. Эклектика презентирует части ранее бывших систем, но не соединяет их в новое целое — это напоминает авторынок подержанных запчастей. А герменевтика смотрит глазами всех авторов, что порождает существенно иное: ее продукт не логическая теория для всех, а личное *понимание, “мои смыслы”*.

Как интересно: метод герменевтики весьма напоминает способ зрения “группового сознания”, но внутри человека. Это — значения, а смыслы при этом остаются у нас личными, поскольку мы переводим мир на наш личный код.

Закончим мы общий обзор тем, что классическая европейская философия исходит из Универсума, субстанции, монады, единого. А ведь еще есть еще и другая возможность — исходить из Дао. Это будет неклассическая европейская философия, например экзистенциализм. Именно ее мы и взяли за основу, чтобы скрестить с системогенетикой, хотя время от времени обращаемся к китайцам, где способ философствования принципиально другой, нумерологический.

В этом релятивном взорении все основное в философии остается тем же, меняется только способ. В основе философии Дао и экзистенциальной философии лежит целое как цикл, восприятие процессуирования этого целого, его жизнь. Здесь даже понятие “развитие” неточно, потому что развитие отражает мир в классической научной картинке. Вот почему далее мы переходим к аксиологии, хотя по-настоящему никакой аксиологии в экзистенциальном мире нет: это — специфический взгляд на него снаружи.

Философия всегда будет кентавром, ведь она опирается на два взгляда: снаружи и изнутри — и на два способа удержания целого: в статике и в динамике. Надо научиться грамотно уметь переходить изнутри наружу и наоборот, как в ленте Мёбиуса. Этому мы вроде бы научились.

Остается вопрос: а как переходить из статики в динамику и наоборот? По этому поводу много всяких гипотез и приемов. Один из подходов как раз демонстрируют теория деятельности, символический интеракционизм и т.п. Но в социуме это всегда упирается в человека, а значит, — в его цели, его поведение, полагание, проектирование и многое другое. Начнем с наиболее простого.

2.2. Аксиология: ценности и установки

2.2.1. Разделение по аксиологическому принципу

Рассмотрим разделы философских систем, объединенные аксиологией.

Аксиологию следует иерархически отличать от гносеологии (учение о познании) и праксиологии (учение о прикладных, деятельностных, аспектах философии). Ниже мы рассмотрим их.

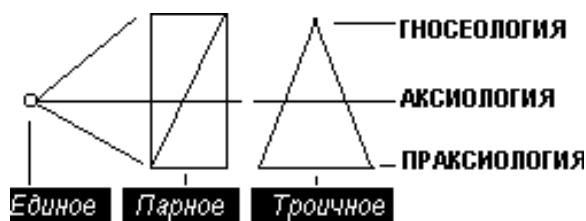

Рис. 12. Три иерархических уровня и три раздела в философии.

Из этой схемы, кстати, можно сделать нетривиальный вывод: философия началась с аксиологии и только потом развилаась в сторону гносеологии и праксиологии. Вот почему мы с нее и начинаем: мир значений и ценностей — это синкретическое **первоначало**.

Аксиология — понятие из двух корней (*axio* — “ценность”, *logos* — “учение”).

Вокруг понятия “ценность” много споров и неясностей. И у самого исходного понятия “ценность” много разновидностей. Например, нас будут интересовать “установки”, и мы иногда отождествляем *ценности* и *установки* — в определенном смысле (в каком именно, мы покажем ниже).

Наша точка зрения на это проблемное поле следующая:

- ценности существуют только во времени, процессуально;
- ценности связаны с иерархической структурой социального мира (человечество — общество — человек);
- ценности транслируются обществом в человека;
- ценности выступают как принадлежность менталитета общества, а менталитет — содержательное ядро культуры.

Предельные типы ценностей зафиксированы в аксиологии — в понятиях “Истина”, “Добро”, “Красота”, “Польза”. Обозначим эту “четверку” в связи с предыдущим рассуждением о разделах философии:

Рис. 13. Четверка ценностей и четыре раздела философии.

Эти ценности — единственные в своем роде, с древнейших времен они употребляются наиболее часто. Мы рассматриваем их как аксиологические универсалии, присущие всей истории людей и существующие на всех уровнях иерархии социума (человечество — общество — человек). Частных ценностей — много, универсалий — четыре.

Проблемы ментальности можно осознать лишь в сочетании двух методологических приемов: троичной иерархии и типологической четверки. Аксиологическое изменение здесь — важнейшее. Если мы сопоставим четверку типов ценностей с иерархией социума, получим новое знание.

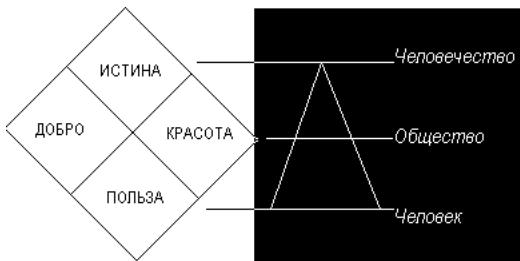

Рис. 14. Четверка ценностей и иерархия социума.

Связка гласит: Истина принадлежит скорее человечеству, Польза — человеку, а остальное — обществу.

Для тех, кто не уверен в существовании этой четверки, следует ввести пояснение. Четыре ценности живут в системе социальной коммуникации (общение и есть общество), они фигурируют только там. Социум и есть в определенном (процессуальном) смысле коммуникация между людьми (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер и т.д.), все остальное — идеальные объекты и вещественные образования из системного прошлого: природные (в том числе люди) и технические.

Поэтому ценность Истина есть, но живет она в коммуникации как презентирующая человечество (надсистему вообще). Ценность Польза тоже есть, но живет она в коммуникации как презентирующая человека (отсюда — корни прагматизма в философии). В системном смысле это, соответственно, “надсистема” и “подсистема” социума, а во временных модусах — *системное будущее и прошлое*, презентированные в коммуникации (настоящем). Обществу в его оперативном режиме жизни (настоящем) принадлежит только калокагатия.

Столь принципиальное разведение приведет нас к еще более интересному выводу о различии культуры и цивилизации, но об этом — ниже.

* * *

Генетически четыре типа ценностей могут сворачиваться в монаду, начинаться с нее или завершаться ею. Однако нам интересен именно развернутый набор типов, раскрывающий аксиологическое целое как меру ценностного мира в крайних пределах.

Есть изначальное доминирование, присущее первым региональным цивилизациям, а затем — конфессиям (см. об этом — в работе “Формула истории” [5]). Суть его в том, что у каждой большой культуры (и религии) есть свой тип доминирующей ценности: Истина — у христианства, Польза — у ислама, Добро (этическое) — у индийских учений, Красота (как особая процессуальная оформленность) — у культуры Китая.

Композиция из четырех типов (в смысле доминирования и соподчиненности) исторически изменчива.

2.2.2. Определение основных типов ценностей

Истина как ценность презентирует в коммуникации *человечество*, она отражает уровень взаимодействия человека и универсума, опосредованный знанием. Иногда это называют эпистемологической ценностью. Это — ценность накопления надсистемного будущего в системе.

Истина (в ее рациональной трактовке) выражается в форме теоретического отношения человека к универсуму. Но есть и другие разновидности истины и пути ее

освоения, например пророчество. Примечательно, что пророчат о будущем и в предельно больших масштабах.

По отношению к человеку эпистемы транслируются в процессах образования и формируют *информационную подсистему человека*. Но о ценностях в образовании речь не идет: транслируются в человека *знания*, аксиологически нейтральные. Между тем эта кажущаяся нейтральность информации, задающая картину мира, опосредована мифом (например, *научной парадигмой*, которая выступает как разновидность мифа) — миф в трансляции всегда предваряет знание.

Миф относится к арсеналу культурной трансляции и имеет эстетическую форму — это эстетический (художественный) образ.

Таким образом, всякое знание в коммуникации упаковано в оболочку художественного образа и тем самым превращено в ценностно ориентирующее. Место ценности — в трансляции, в упаковке, а не в самом знании.

Следовательно, такой элемент культуры, как знание, и такая ценность, как Истина, не одно и то же. Истина всегда выражается через знание в процессах коммуникации, и уже по этой причине перед нами — *знание, обремененное значением*. Присвоение всеобщих значений личностью превращает их в личные смыслы верхнего уровня.

На вопрос: что есть Истина? — в аксиологическом ракурсе ответ следующий: истина есть то, что априори наделяет значением всякое знание и делает ценным познавание. К Истине можно только стремиться — вот почему она ценность. Это *стремление* всегда общественно окрашено, но является принадлежностью личности. Познает ведь только человек, а некая установка стимулирует его к этому. Абстрактно говоря, *само по себе познание* в принципе лишено смысла для человека. И тем не менее человек познает, у него есть потребность, вызванная некой установкой, живущей в нем ценностью Истины.

Попытка вывести познание из связки с пользой — это редукция, исходящая из новоевропейского мировоззрения научно-технического типа “труд создал человека”, — вот почему познание первоначально было привязано к труду. Но в культурологии существуют и противоположные точки зрения, доказывающие, что познание предшествует труду даже в самые наидревнейшие времена. Если не сводить Истину к рациональному знанию, то верно как раз второе: идеационная фаза культуры, по П.А. Сорокину [12], первична.

Феномен “прямого усмотрения истины” показывает, что она постижима. Постижение, инсайт и т.д. отличаются от групповых технологий познания в науке тем, что возникают в прямой коммуникации с высшим (человечеством, ноосферой, мировым разумом, Богом). Нечто надсистемное награждает человека, прикоснувшегося к истине, творческим восторгом озарения [13].

При обращении к Истине мы прошли сверху вниз по иерархии: от человечества — к обществу и человеку.

Польза как ценность реализуется в утилитарном отношении *человека к универсуму*. Полезное нередко относят к витальным ценностям человека — это наша биосфера, сориентированная социально. Но ценность Пользы имеет и другой ракурс: полезное связано с деятельностью, обеспечивает ее (“полезно знать следующее...”), а потому входит на всю иерархию — общество, человечество.

Если истина всеобща и принадлежит человечеству, то польза единична — она моя. В конечном итоге любая полезность первоначально была связана с личностью, ее отдельностью, кроме того, — с телесностью человека.

Ценность Пользы живет в коммуникации как презентирующая человека в данном ракурсе. В системном смысле человек — подсистема социума, а во времени — *системное прошлое*, презентированное в социальной коммуникации (настоящем).

У нас три уровня субъекта: человечество — общество — человек. И, если ценность Пользы не будет относиться ко всем трем уровням, она потеряет свою всеобщность. О человеке мы говорили, поэтому рассмотрим ценность пользы по отношению к двум другим субъектам.

Человек связан с обществом деятельностью и выступает как деятельное существо. Это наводит на следующие размышления: если рассматривать общество как монаду, как организм (хотя у общества нет единой живой телесности), ценность пользы начнет фигурировать как “общественная польза”. Можно “радеть о пользе государства”, но это всего лишь органическая метафора, подразумевающая, что государство есть организм. В целом для такого незримого организма полезно все, что сохраняет жизнь общественного целого, цивилизацию.

Общественная польза воплощается в вещество — как техника. Археологи имеют дело только с остатками прошлых технических систем и костями людей и животных, которые, кстати, тоже когда-то употреблялись как орудия. Польза здесь обращена на деятельность и полезное в деятельном смысле выступает как инструментальное, техническое, вообще полезное для деятельности в качестве ее средств.

Но есть еще и культура, которая выступает как транслятор ценностей (установок), знаний и норм. В культуре ценность Пользы фиксируется в виде *норм деятельности*, знания о технологиях деятельности. Подобный тип информации (человеческой) в прагматизме носит название *опыта*. Трансляция общественного опыта происходит в процессах обучения, которые формируют *операциональную подсистему человека*. Наделение информации значениями здесь тоже происходит только в процессах коммуникации.

Следовательно, элемент культуры под названием “норма деятельности” и такая ценность, как Польза, не одно и то же. Польза всегда выступает как норма в процессах коммуникации, а следовательно, — как норма, обремененная значением. Присвоение значений личностью превращает их в личные смыслы нижнего, витального, уровня.

Есть уровень Пользы и у человечества. Он имеет планетарный характер, и все современные проблемы экологического равновесия, коэволюции и т.д. относятся к нему. Человечеству как суперорганизму тоже надо выжить (витальная ценность), и выжить вполне вещественно, сохранив нас (или найдя другую опору). Если попытаться поставить себя на место человечества, то становится понятен особый смысл “морального кодекса”: выживание человечества есть высшая ценность, и все механизмы типа “совести внутри нас” производны от данной цели. Человечество должно стимулировать людей, помогающих ему выжить, и, напротив, наказывать и избавляться от тех, кто ему мешает. Как это происходит, мы не знаем, но мы предполагаем наличие подобного смысла у любой этики. Хотя вполне можно допустить и мальтизянские, и дарвиновские ракурсы, и даже уровень физиологического регулирования: лишнее и неприспособленное отмирает. Аналогично человечество способно поступать и по отношению к обществам, поскольку они меняются в истории и синхронно конкурируют друг с другом. Общества, паразитирующие по отношению к человечеству, неизменно сметаются с лица Земли. А по опыту истории в конце концов любые общества приходят к состоянию паразитирования.

Потому-то любые общества и есть переходный этап к человечеству. Стабилизация целого может быть достигнута только в случае, если прекратятся попытки конкурентного поглощения всех своим типом цивилизации и будет осознана неизбежность мирной кооперации всех со всеми при соблюдении своих границ. Не могут органы организма конкурировать — могут лишь кооперироваться и усложняться. Возникновение человечества на этом основании обозначится как появление некого особого эмерджентного качества у планетарного сообщества, “дельта плюс” нашей сверхсистемы. Мы об этом поговорим ниже.

В контексте данной трактовки становится понятно, что этическое, ценность Добра, содержит два яруса — *надсистемный*, порождающий механизм совести внутри нас (и религиозную эсхатологию по отношению к обществу в целом), и *системный* — общественную нравственность, регулирующую поведение людей нормативно. Но то, что проявлено в человеке как мораль, а в обществе — как нравственность, есть, с точки зрения Человечества, регулятор витальной Пользы.

Постройте схему сами: низшее из высшего в низшем есть высшее.

* * *

Отметим следующее: при обращении к Истине мы шли сверху вниз по иерархии (от человечества — к обществу и человеку), а при обращении к Пользе — снизу вверх (от человека — к обществу и человечеству).

Распределение уровней по модусам времени тоже может навести на размышление. *Будущее* ассоциируется с человечеством, его пока нет, оно еще только будет, цикл его надсистемного формирования еще не завершен. *Настоящее* — это текущая жизнь *общества* (организма, системы). *Прошлое*, ставшее, неизменное как вещественная основа общества — это человек, единственная реальная клеточка общества.

Если рассмотреть тройную связанность уровней по отношению к организму, предстанет тройка “Дух (Логос) — Душа — Тело (Сома)”. Истина и Логос совпадают по смыслу так же, как Сома в целом совпадает с Пользой. А Душа — единственное живущее в настоящем, она отражается в меняющемся калейдоскопе калокагатии: этического и эстетического. И принадлежность их тоже сходится: Истина принадлежит человечеству, Польза — человеку, обществу остается переменчивая пара “Добро и Красота”.

Кстати, *состав культуры* можно вывести отсюда, из аналогии троек: Логос в культуре — знания, Душа — установки (ценности) и Сома — нормы.

* * *

Мы выяснили, что *обществу* (а шире — социальным группам) принадлежат этические и эстетические ценности **Добра и Красоты**.

Ценности создают *мотивационную основу личности*, непосредственно содержащую потребность в деятельности. Потребности выступают движущим началом деятельности, связывающей человека и общество (отдельного человека и остальных людей). Но это только потенциально готовая коммуникация, поэтому саму **потребность можно трактовать через нахождение в процессе коммуницирования**. Пусть даже коммуникация происходит с культурой где-то далеко от существующего общества, как в случае с Робинзоном.

Трансляция актуальных для общества мотиваций и формирование потребностей человека происходят в процессах *воспитания*. Воспитание формирует *мотивационную подсистему человека*, имеющую дело с общественными значениями и личностными смыслами. **В конечном итоге мотивацию формирует менталитет.**

Эстетико-этические ценности отличаются от истины и пользы своим прямым непрерывно-динамическим характером. Их связь с текущим временем общества очевидна: если истина и польза существенны всегда, а знание и опыт (нормы) накапливаются в культуре квантами, то этическое и эстетическое, с одной стороны, непрерывно, а с другой — преходящее, релятивно (мы имеем дело с их модусами). Всякие морально-нравственные ценности, установки, нормы временны. Временны вкусы, пристрастия, мода, стиль и т.д. В отличие от ценности истины и плодов опыта, они меняются — содержательно и по форме. Они всегда в процессе, они и есть жизнь социума в ценностном измерении. **Эстетико-этические ценности составляют содержание менталитета.**

Если на данную пару посмотреть с позиции все той же иерархической тройки, обнаружится нечто обратное: трансляция менталитета происходит *из общества — на человека* (ставшее, прошлое), причем происходит непрерывно (настоящее). Человечества как такового еще нет, оно только становится, оно — в будущем. Поэтому по отношению к человечеству эта пара выглядит совсем уж интересно: в истории **менталитет** предстает как общественный механизм разворачивания человечества (**программа его формирования**) — как культура. Программа менталитета “свернута” в понятии человечества, развернута в обществе и непрерывно транслируется обществом на человека, определяя его поведение в настоящем, — в нужном, запрограммированном, направлении. Ментальная программа культуры есть генная программа возникновения человечества.

Когда человек не подчиняется установкам общества, его поведение воспринимается как асоциальное, и к нему применяются санкции.

Когда общество скатывается до осознанной манипуляции человеком, чтобы выжить в данном виде, не меняясь, оно использует лозунг: “Желудки подданных должны быть полны, а головы — пусты”. В этом случае общество начинает мешать развиваться человечеству. Но у человечества есть свои “санкции” по отношению к такому обществу. Революции в истории происходят явно не просто так, а тот факт, что они происходят периодически и законосообразно, вызывает мысль об их запрограммированности. Сценарий нашей истории оказывается необыкновенно жестким и при этом очень простым по основе. Действующий в ней механизм пока натуральный, хотя проектная компонента в ней уже давно активно обсуждается.

2.2.2. Дополнительность фундаментальных осей

К понятию целого как качественно однородного относится *цель: зачем теория?* Ответ на вопрос возникает уже в другой системе координат философии: **в онтологии и методологии**. В чем *сущность* ментального? Каков **философский метод** (совокупность принципов и сценарий) исследования ментального? Это — та же постановка вопроса, которая фигурирует в работе Г. Гадамера “Истина и метод”, но трактуем мы вопрос иначе, поскольку на самом деле у него много ракурсов.

Можно, например, воспользоваться дополнительностью, которую акцентировал Фома Аквинат: *учение о сущности и учение о существовании*. Если провести вертикальную и горизонтальную оси внутри нашего графического построения из четырех типов ценностей, то можно увидеть, что эти начала в философско-аксиологическом плане разводятся как взгляд со стороны *сущности* и взгляд со стороны *существования*:

Рис. 15. Две оси: сущность (вертикаль) и существование (горизонталь).

Исходя из такого понимания, можно поговорить о **двух суперпрограммах**, находящих отражение в культуре и обществе: *цивилизационной* программы и ментальной программы *культуры*.

Начнем с первой. **Цивилизационная технологическая программа** преследует цель удержания целостности общества, обеспечить устойчивость социальной структуры.

И античность, и современная *научно-техническая* цивилизация являются проявлением и воплощением доминирования этой цивилизационной программы, суть которой — Истина + Польза. В Древней Греции эти ценности были разделены, в Новом времени, особенно — в современном обществе, они “замкнуты”, что и приводит Запад к технократической парадигме и философии прагматизма. Технология находится в руках человека и может направляться обществом. Технология связывает будущее и прошлое, поэтому она связана с проектivismом, с одной стороны, и познанностью ставшего — с другой. Но технология — средство, она не содержит целей, цели находятся в другой плоскости. Между тем в руках технократов и прагматиков средства подменили цели. Это — очень интересный поворот темы, он связан с существованием наряду с жизнью человечества (и “общества” как коммуникации людей), еще и техноса, обладающего по видимости собственной эволюционной программой саморазворачивания. В XX веке эти две программы столкнулись в борьбе за человека. Такого в истории еще не было.

Цели рефлектируются из настоящего времени. И задаются они все теми же тремя субъектами: человеком, обществом и человечеством. Различие здесь проявлено и в масштабах, и во временных модусах.

Ментальная программа культуры имеет формулу “Добро + Красота” и разворачивается как *недоступная управлению* ни человеком, ни обществом. В частности, этическое “приходит” к людям как данное им, а все попытки менять его или модифицировать этику были обречены на неудачу в истории до тех пор, пока не подходил момент программной смены этической модели. А этическое, как хорошо известно, непосредственно управляет поведением людей, хотя выглядит это как поведение, опосредованное ценностями.

Эстетическое выступает важнейшей частью *ментально-культурной программы*, мотивирующей поведение людей непосредственно, через художественные образы. Все, что люди могут, — это резонировать или не резонировать с данной программой и тем самым актуализироваться или “выпадать из времени”. Выпадающий из времени умирает социально, хотя его биооболочка может жить еще долго. Это, кстати, относится и к обществам.

* * *

Поскольку есть четверка типов ценностей, то, вычленяя один тип, можно увидеть все варианты его “перекошенной” трактовки, сведения ментального к иному. Таких возможностей перекоса по отношению к теории менталитета — три: *гносеологическая теория менталитета* (присыпывание ей функции поиска истины), *этическая теория менталитета* (нравственная проповедь, этикет и т.п.), *практическая теория менталитета* (ментальность как полезное, как соматическое).

Путь, по которому идет западная цивилизация, состоит в поглощении и редуцировании всех типов ценностей до состояния рационально управляемых. Вся Истина постепенно заменена здесь рациональной наукой, писаное право заменяет все этическое, СМИ и СМК — искусство, стандартная “корзина потребителя” — все варианты полезного. При этом и человек полностью лишается своей индивидуальности, поскольку за него все уже стандартизировано, а значит, выбрано. Ему остается только потреблять, что дают, да еще и самому производить часть предписанного. Человек “общества потребления” вставлен в конвейер.

Итак, в аксиологическом ракурсе мы имеем дело с системой ценностей, универсально присущих и человеку, и обществу, и человечеству. Их — четыре. Чтобы определить суть ментального, мы базируемся на “калокагатии” — единстве эстетического и

этического — и говорим, что данное единство — суть менталитета. Поэтому для нашего изложения важно, во-первых, акцентировать единство, во-вторых, отличить специфику типов внутри ментального поля. И осознать, что перед нами — “**ментальный автомат**”, вход в который закрыт на верхнем уровне.

О ценностях мы будем говорить еще не раз. А пока перейдем из аксиологии в гносеологию.

2.3. Гносеология и эпистемология

Прежде всего зафиксируем появление гносео- и праксео- из “аксио-”. Целостность аксиологического мира — это целостность экзистенции, в которой живет прежде всего общество. В этом случае гносеология представляет нечто, презентирующее человечество, а праксио — человека. Их смыкание в научно-техническом симбиозе показывает суть евроцивилизации и, соответственно, философии Нового времени — “классической”. Ментальному уровню здесь отведена вторичная роль “смутно познающего”.

Наилучшим образом это иерархическое понимание обнаруживает себя, как ни странно, в буддизме. Но перед вами не изложение постулатов буддизма, а мысли по данному поводу, аналогии и сложные ответвления от них.

2.3.1. Гносеология

a) Троичность, лежащая в основе познания/ Судя по “Лекциям об уме” Геше Джампа Тинлей (<http://www.theosophy.ru/lib/jatpa-ut.htm>), буддийское учение об Уме содержит три уровня. Самых же оттенков Ума здесь — два: первичный Ум и Ум.

В этой модели, если отвлечься от ее экзотичности, все сходно и с нашим европейским представлением. Кроме одного — целей жизни. И это меняет всю картину до неузнаваемости. Тем более интересно понять конструкцию такой непривычной гносеологии — гносеологии без выпирающей праксиологической ориентированности.

Уровень 1. Органы чувств дают информацию. Она пока никак не окрашена и не интерпретирована вами. Есть деревья, но нет “леса”. Есть цветы, но нет определений “красота” или “хорошо”.

Это — сознание (близкое к животному). Биотически отраженный мир.

Такой уровень имеет и общественное сознание, но в нем — другое, не животное, содержание. Важно, что оно короткопериодно, и что данный уровень — обыденность.

Фиксировать, но ничем не наделять может и телекамера. По функции это очень похоже: система слежения. К тому же у человека очень сложная система слежения, работающая в целой иерархии диапазонов: органы чувств и их спектры система слежения воспринимает и отражает мир во всей совокупности спектров как в одном непрерывном диапазоне. Это — диапазон физиологический, обеспечивающий жизнь Психо.

Однако камера просто фиксирует в настоящем, а человек видит. Это — разное, поскольку видеть — значит сразу опираться на очень сложные психические механизмы, простирающиеся и в прошлое, и в будущее.

Пока мы живы, внешний мир отражается в нас постоянно, а вот фиксируется ли? Есть ли память об этом, воспринятом за жизнь? Записывается ли где-то “кадр за кадром” вся наша жизнь? И зачем? Кому может понадобиться “плёнка с отчетом” органов чувств о пребывании на Земле? Разве что Душе, когда она вернется из телесной командировки...

На этом уровне мы воспринимаем мир, как новорожденные дети, — они уже видят (и т.д.), но еще **ничем не привязаны к миру**, кроме того, что привязаны к матери.

На этом уровне Ум не дает оценок объекту.

Уровень 2. Первичный ум — ментальное сознание.

Оно познает объект как нечто целое! Это — **первичная функция познания**, характеризуемая синкретизмом: сначала — целое.

Ментальные факторы познают объект через отдельные характеристики (их 51). Один из факторов — *неведение*, из-за которого мы вращаемся в сансаре.

Источники страданий все здесь. *Заципленность за самобытие*, поскольку ценности и желания, привязанность, гнев взаимосвязаны. Восприятие только через ценность, через эмоции и чувства означает неведение.

Здесь “я” имеет самобытие. А на самом деле? Что есть в нас, кроме неповторимости? Кстати, принцип Диомидыча, он тут: это — принцип неповторимости, уникальности меня. “Я есть” и поменять себя на другого ни за что не хочу. Поиграть в это могу, оставаясь собой, — такова основа олицетворения, искусства.

Уровень 3. Ум. Он имеет функцию познания.

Основа — *понимание пустоты*. Распознание объекта с пониманием пустоты.

Благодаря данному уровню мы можем развивать в себе любовь и сострадание.

Здесь “я” нет. И быть не может, если это — понимание пустоты.

“Если вы поймете, что есть ум, и сможете использовать самый тонкий его уровень, это даст вам самую мощную силу на свете”.

Тончайший уровень — ясный свет.

Необходимо привести ум к состоянию Будды.

“Правильная теория ведет к правильной практике и дает правильный результат”.

Некоторые выводы и параллели. Из сказанного можно понять, что Ум — надсистемный. Распознание объекта с пониманием пустоты — это отвлечение меня от своего бытия, самости. Самости вообще не может тут присутствовать. И тогда становятся понятными Любовь и Сострадание — это не чувства: это — божественное отношение к более низким уровням. Никаким иным оно и быть не может, раз это — части надсистемного целого.

“Познание с пониманием пустоты” есть выход за пределы чувствующего и страдающего “я” в состояние **рефлексии из надмира, из будущего**. Тогда все это (весь наш мир) становится лишенным тех привлекательных сторон, которые дает чувственное, ментальное восприятие. Нет значений, смыслов, привязанностей, чувств. Нет колеса сансары. “Ложки не существует”.

То, что познает, не я (и не мы?). Необходимость изгнания “я” — абсолютная. Это не так, как в рефлексии, где происходит удвоение. Никакого второго плана.

Нечто познает нами. Очень похоже на субстанцию Мышления. Мышление, которое мыслит нами.

Различить “познание” и “мышление” в таком освещении можно через деятельность. Но это уже будет по-европейски.

Аппаратом психологии (ментальное) такого вывода не сделать. В психологии определение “мышления” — ментальное. Это скорее взгляд из экзистенции в сторону мышления. Чтобы выйти за пределы экзистенции, придется отказаться от позитивизма.

О неведении. Неведение есть замыкание себя в пределах ментального уровня. Без нижнего основания ментальный уровень сам по себе не работает, значит, это — два уровня, работающие совместно. Воспринимаю мир, держу его целостный образ — чувствую.

Если есть только это, то верхний уровень закрыт: ты **не ведаешь**. Руководствуешься “психо-”. Это, кстати, уровень артистов. Недаром Джордж Харрисон так стремился к индийской философии, позволяющей выйти за пределы обыденности и ментального мира.

Буддизм, как нам пока кажется, не оперирует значениям и смыслами: для него это — майя, иллюзия. Но пересечения домысливаются сами собой. *Можно иметь смысл, но находиться в неведении.*

Ментальный уровень наделит нас *значениями*, если мы возьмем еще и воздействие на нас общества. Это в буддизме тоже не рассматривается, но “привязка” через данный слой трактуется одинаково. **Значения привязывают нас к обществу**, а эмоционально-чувственные связи, зацепки, — к сансаре. Вообще это все — одно и то же, один взаимосвязанный пласт.

Но если рассмотреть поближе, то можно обнаружить, что именно общество удерживает человека в состоянии “**ментального раба**” [14]. Хорошее выражение!

Он-то и вращает беличье колесо истории!

О ментальности. Суммирование совокупности типов восприятия первого уровня и перевод ее в *целостный образ* второго уровня — общее место. Он и ментальный, и выражается в неповторимом “я”, так как способ синтеза только мой.

Поскольку ментальный уровень — общественный, он воистину иллюзорный для человека. Майя! Общество живет — не “я”. Человечество направляет на меня через культуру менталитет и управляет моим поведением в обществе и вообще моим ситуативным выбором. Общество удерживает человека в состоянии “ментального раба” и имеет для этого свои органы — институты и культурные механизмы трансляции.

Держаться за неповторимость своего “я” означает культивировать свою привязку к иллюзорному миру. Но и она двояка, как всякая система (система есть биполярный осциллятор) [10].

Вся неповторимость “я” *извне* есть сумма генных причин и сумма ментальных переменных моего времени жизни. Здесь Человек точно выступает как биосоциальный субстрат. Им управляют и генные программы, и социокультурные. Так формируется каузальная неповторимость меня извне.

Вся моя неповторимость “я” *изнутри* есть мое Психо. Если идти снизу, то обнаруживается, что по канонам психологии здесь осуществляется синтез типов восприятия в целостность, а целостность и есть “Я”. Это несколько механистично, хотя, как именно происходит переход (квантовый скачок), никто не объясняет. Остановимся на констатации.

Первичный ум — ментальное сознание, которое “познает объект как целое”. Наверное, именно так его удерживают высшие животные — нерасчененным. Это гештальт, возникающий и у человека, в пределе — у новорожденного. Социализируясь, человек вынужден воспринимать воздействие общественного менталитета. И тогда мы даже первичное действие воссоздания целого делаем социально — возникает **ментальный гештальт**, совершенно новый синкретизм. Это делает христианская религия, удерживающая человека в ментальном слое: растворясь в божественной гармонии мира!

Данному уровню соответствует *понимание*, в отличие от рационального и прочего *познания*. Познать объект как нечто целое означает понять его, а в познавательном ракурсе содержится трансцендентность. Источником ее в буддизме является “пустота”.

Ментальный гештальт (целостный биосоциальный образ) достаточен, им можно руководствоваться в жизни. В иллюзорной жизни, майя. Такой жизнью живут 99 % населения Земли. Это не хорошо и не плохо — это есть, есть на самом деле.

Познание при помощи Ума требует отключения двух предыдущих уровней. Картина знакомая, хотя бы по йоговским практикам. Но принципиальный вопрос: насколько возможно стать проводником надсистемы полностью?

В европейской интеллектуальной рефлексии удвоение сохраняется, что бы ни говорили Дильтеи и прочие герменевты. Выйти из майя и стать Буддой — это сверхцель, которая людьми не ставится.

Сведем сказанное к схеме, на которой очевидны надсистема система и подсистема.

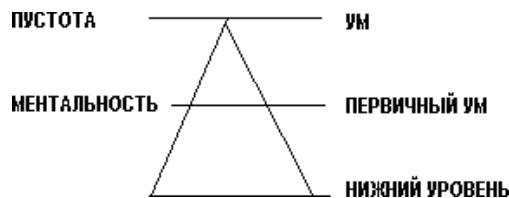

Рис. 16. Движение к познанию через три уровня в буддизме.

2.3.2. Философия и наука. Мифология и религия

В наших размышлениях по данному вопросу мы воспользуемся статьей В.П. Гайденко “Природа в религиозном мировосприятии” (<http://www.philosophy.ru/vopros/13/html>). В основном она использована нами как канва, поверх которой сама собой выросла другая тема.

Нашу числовую методологию мы запустим наоборот.

Четверичность / Начнем с цикла истории и четверки ценностей:

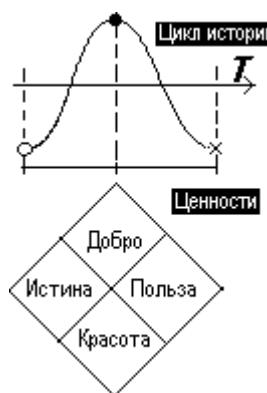

Рис. 17. История как цикл и ключевые ценности.

Очевидно, что античность на цикле истории будет связана с поисками Истины. Средневековые — это поиск Этико-Эстетической гармонии. Сегодня актуален поиск Пользы, который познавательно обеспечивает позитивистская наука.

Если воспользоваться древнейшей четверкой стихий, то из рассмотренного набора возникнет любопытная аналогия:

ОГОНЬ	ИСТИНА	ФИЛОСОФИЯ
ВОДА	ДОБРО	этическая религия миф
ВОЗДУХ	КРАСОТА	эстетическая религия, миф, или способ организации общества
ЗЕМЛЯ	ПОЛЬЗА	позитивистская наука (и порожденная ею техника)

Рис. 18. Стихии, ценности и ментальные доминанты по уровням.

Компонентов у нас — четыре, а циклов истории — три. Всякая трехфазовость есть вместе с тем проявление иерархии.

Троичность. Вторая схема — иерархия уровней. Мы возьмем ее системное понимание и рассмотрим сразу, как здесь фигурируют “блага”.

НАДМИР	Философия	высшее благо
МИР	Религия (миф)	жизнь как благо
ПОДМИР	позитивистская наука	земные блага

Рис. 19. Распределение доминирующих благ по уровням.

Философия античности находится в поиске Истины, а также Любви к Истине и Мудрости. Недаром осевое время истории — ядро античности — это время выбора *высших ориентиров* (понимания высшего блага) и способов их достижения во всех цивилизациях. Тогда же возникают четыре ментальных ключа, четыре разных истории, о которых мы говорим.

Христианскому средневековью философия скорее мешала. Однако церковь с ней не могла не считаться как с влиятельным конкурентом. Чтобы решить проблему, требовалась адаптация античной мудрости к христианству. Это раньше всех проделали в Византии, затем — в исламском мире и, наконец, в католическом — так был синтезирован томизм. Он жив до сих пор (неотомизм) и вполне успешно выступает бампером между наукой и религией.

Только философия Нового времени могла искать встречного синтеза с религией. На этом пути родилась теософия Вл. Соловьева, хотя было немало и других попыток. Их поле совместных поисков — высшее Благо, или осмысление “благ мира нездешнего”.

Философия осталась при науке Нового времени в основном в своей интегрирующей функции. Отсюда — поклонение философии в Новом времени как высшему, почти божественному, знанию. Но это уже совсем иная, не античная, философия: она не просто играет с идеальными моделями — она интегрирует научное знание, направленное прежде всего на практику. Как интегратор, философия вынуждена была породить внутри себя этику и эстетику: калокагатическая роль религии в эпоху Пользы свелась к декоративному минимуму.

Ничего подобного античный мир не знал, хотя зачатки права и эстетики в нем были. Но “Поэтика” Аристотеля — это не “Эстетика” Гегеля: у нее — другие цели.

Философия есть чистая игра ума, прообраз игры в бисер. Не все игры ума применимы на практике. К тому же античность считала, что в этом нет необходимости. Игры ума здесь самоценны — Истина светит им, и язычники охотно поклоняются Солнцу Истины. Что касается общественной Пользы, то в античности ее выражала политика. Ее связь с Истиной очевиднее всего пропустила в Риме, есть она и в Греции (Сократ и его линия).

Античная философия не ставила целью отображать наш мир и объяснять его генезис. Это скорее задача мифа, а философия могла предлагать только альтернативные модели, но не противоречащие мифу. Кто **ведает** Истину, проявление высшего мира, того не интересует ни наш мир, ни его генезис. Миф объясняет мир горизонтально, философия — вертикально. Соотношение в античности мифа и философии обратно соотношению в Новом времени науки и религии.

Нужно было сделать шаг к нижнему миру, к человеческой Пользе, чтобы попасть в нашу реальность с позитивистскими инструментами рационального познания. Отобразив с их помощью реальный мир в Новом времени, человек увидел и обратную возможность: интеллектуальное конструирование ранее не бывшего. Тоже своего рода игра ума, но уже насквозь прагматичная. Именно данный ход приведет нас к пониманию **знания**.

Парность. На основании отождествления мифа-религии и философии-науки как двух осей *сущности и существования* разведем их. На схеме истории эти оси тоже видны:

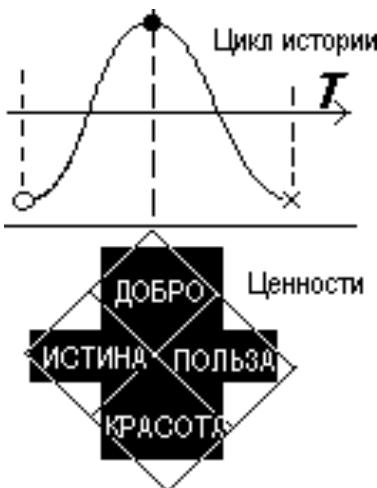

Рис. 20. Соотнесение статики и динамики в ценностном аспекте.

Если идти от конечного результата жизни человека, то можно заключить, что религия ведет к гомеостатике (гармония Души, экзистенциальное благо), а позитивистская наука — к суэтной динамике, к погоне за успехом и вещами — благам земным.

Ведущая мысль здесь следующая: **философия и наука** — проявления вертикальной оси “Истина — Польза” (линия И—П). Связь философии (Истины) с наукой и отрыв науки от философии на пути к Пользе — основная коллизия истории познания в евроамериканской культуре.

Калокагатическая функция **мифологии и религии** состоит в поиске гомеостазиса (линия Э—Э). Это всегда дополнительность, например Этическое православие и Эстетическое католичество, Этическая Индия и Эстетический Китай.

Но линии креста не противоречат друг другу. Они просто разные (И—П, Э—Э). В истории их противопоставляют путем взаимоотрицания и попереенного доминирования (две спирали по типу ДНК). Кстати, религия в принципе не была против науки (вспомним, как она выступала против магии!), она всегда была против самоизолированности человека, ведущей его к гибели. Но, увы, отдельность “я” является ментальным условием существования современной позитивистской науки.

Укажем на основные различия религии и науки.

1. Религия дает человеку высший (надсистемный) смысл жизни — для чего, для кого жить, ради чего жить? Для Бога, ради Бога.

2. Субъектность Нового времени самоизолирует человека. Она закрывает его от любой надсистемы.

Жить ради идеи Прогресса, ради законов эволюции? Закон важнее моей воли? Не так это звучит в Новом времени: их наличие оправдывает любую мою волю, и чем дальше к pragmatizmu, тем больше. А лицемерие политики безмерно, и идеология оправдывает любое действие.

Миф и религия. Миф как тип мироотношения всегда выражается в художественном творчестве и сохраняется в искусстве. Форма мифа — эстетическая, а содержание его — этическое (способ связи человека с обществом).

Чего нет в мифе, что есть в религии? Миф не настроен на надсистемное, он не зовет в горний мир и к высшим Благам. Миф объясняет настоящее, но не дает смысла будущего (оно такое же настоящее) — вот почему функцию общения с высшим уровнем мира взяла на себя философия.

Мифология выступает как “ментальный фильтр” настоящего. Поведение в обществе, заданное мифом, мотивировано этически и эстетически. По этой причине произведения

Гомера и другие равновеликие эпосы изучались не филологически, а как учебники должного и не должного, красивого и нехорошего.

Религия, если развернуть ее в настоящее, определяется как поиск гармонии в бытии.

Религия формирует путь жизни, экзистенцию — изнутри человека. Она осуществляет управление поведением через формирование параметров экзистенции.

Здесь все **причины** — в Боге.

В религии не моя воля важна, а воля Бога: “не как Я хочу, а как Ты” (моление о чаше). Исполню волю твою. “Блаженны нищие духом” — у них исключен эгоцентризм, отключены возможности для проявления гордыни социальной и познавательной.

Религия тоже выступает как ментальный фильтр. Но в ней уже есть “выход вверх”.

Любой универсум со стороны религии оценивается в следующих параметрах : гарантирует ли он достижения внутреннего равновесия в человеке: согласия, бодрости и крепости духа, то есть “блаженную жизнь”? Отсюда — бинарная шкала оценок: одно — должное, другое — ложное. Это основной ментальный механизм: установки, сформировавшие человека, задают его ситуативный выбор.

Должное состояние внутреннего мира (Души) определяется соответствием его строя фундаментальным принципам миропорядка. Но каковы лозунги: вырваться из пут животной жизни к вечным началам сущего! От выживания — к вечному! От Зверя — к Богу!

* * *

То, что мы назвали линией “Э—Э”, мифом и религией, на самом деле дифференцировано на этическое и эстетическое. Они неразъемны (калокагатия), но могут существовать преобладания. Так, Византия (православие) — более этическая, чем эстетическая ветвь христианства; отсюда — корни нашей соборности. Католицизм, напротив, поражает нас именно формой: католические храмы и соборы готики не сравнить с простыми русскими церковными постройками. То же наблюдается на Востоке: Индия — диктат этического закона, Китай — диктат ритуала, а ритуал есть эстетическая, формальная организация жизни.

Разделение этического и эстетического во временном виде следующее: этическое опирается на вечное содержание (надсистемное будущее), эстетическое — на ставшее, форму (подсистемное прошлое). Например, культуру Китая законсервировал культ предков, выросший в культа почитания древних мудрецов.

С приходом доминанты Пользы в еврокультуре Нового времени наука (и мета наука) заменила философию, а светское искусство и писаное право заменили эстетическую и этическую функции религии, техника и технология — все остальное.

Наука и философия. Наука и философия есть внешнее по отношению к человеку.

Философия есть поиск Истины и проявление Любви к Истине и Мудрости. Античная философия искала **скрытые начала мира**, начала сущности. Мир раскрывается заданным в принципах. Например, Материя ни от чего не зависит, никем не сотворена.

Противоположны религиозному подходу натурфилософия, экспериментальное естествознание. Они направлены на поиски “адекватной картины мира”, необходимой для применения идеальных моделей на практике.

В науке происходит отделение познающего субъекта от познаваемого объекта. Наука живет за счет творчества и интеллекта субъекта, направляемых на объект. Активный и обособленный субъект ищет **причины** в себе, а не в Боге. С позиции религии, это и есть гордыня — утверждение своей воли и признание себя “последней инстанцией”.

Интеллектуальное конструирование перестает быть игрой ума и переходит на стадию овеществления в технике и технологии. Использование идеальных моделей на практике

показало, что не все игры ума применимы немедленно, но по большей части они со временем применяются, потому и философия, и фундаментальная наука “стратегически полезны”. В данном случае можно говорить об идеальном, или модельном, ресурсе общества.

Это уже не античность — это “Истина + Польза”: инструментализм — вот главный признак науки Нового времени!

Философия играет в Новом времени роль высшего яруса, удерживающего целое науки. К XIX веку она уже метафизика, которая занимается играми со схемами. Окончательный разрыв с нею наметился в позитивизме, который тоже был философией, а завершился в прагматизме. Наука двигалась от философии к метафизике, а от нее — к инструментальному прагматизму и обыденности.

Требования позитивизма — сведение диапазона времен к настоящему, потому что **будущее, как и прошлое, осваивается нами только “спекулятивно”**. Требование прагматизма — мои цели впереди всего.

Наука принадлежит к уровню настоящего, в котором осуществляется переход из прошлого в будущее. В проектировании и конструировании — наоборот: из будущего — в прошлое [3].

Будущее не осваивается в науке. Оно осваивается на метаученном уровне и в философии. Функция науки как общественного института состоит в создании идеальных моделей. Так называемые прикладные науки переводят эти модели в технологии, в практику, в реальное, овеществленное. Наука — особый механизм, работающий на уровне между высшим и низшим мирами, поэтому наука похожа на ментальность (уровень тот же) и на магию: функции соединения пределов иерархических миров в науке и в магии одинаковы. Но до тех пор, пока наука остается ментально натуральной, ее продукт — идеальные объекты [4]. К деятельности наука отношения не имеет — вот почему возникают философия, и практика широко понимаемого прагматизма, и все ее деятельностные порождения, которые мы называем проектными.

Прогноз в магии персонален. Прогноз в науке, по идее, лишен авторства.

Наука прогнозирует пока единственным способом — через аппарат цикличности. И какого бы предмета мы ни касались, в основе прогнозов науки лежит методология естествознания — идеал позитивизма. Как только начинается персонализация (например, в политических прогнозах), намечается смесь науки и искусства, рацио и иррацио. Предел здесь — прогноз персональный, а он по определению — вне науки.

Возможен спектр: личный — смешанный — деперсонализированный.

Наука приспособила нас к природе путем ее познания (законы), далее — путем **законосообразного прогнозирования** будущих событий и изменения хода вещей. Кстати, в деятельности мы не меняем естественный ход вещей — мы лишь модифицируем его в пределах законов (используя люфты) в свою пользу. Мы используем те варианты, которые природе до нас не понадобились.

Наука и религия. Наука и религия содержат парные различия: анализа и синтеза, диахронии и синхронии, дивергенции и конвергенции, конечного и бесконечного.

Но главное в рационализме состоит в том, что понять — значит разъять целое (аналитика). Мир здесь рассмотрен через постулаты, но они выдвигаются людьми и противоречат друг другу, сменяясь во времени. Поэтому, с позиции религии, они не истинны, а лишь правдоподобны, частичны, т.е. релятивны.

Недаром многие великие ученые либо приходили к Богу, либо вообще никогда от него не отрекались.

2.3.3. Эпистемология: знание и деятельность

Знание. Между **познанием**, которое ориентировано по вертикали, и **знанием**, которое живет в горизонтальном мире, есть принципиальное различие. О нем мы сейчас и поговорим.

Предназначение знания. В отличие от Истины и **ведания** ее, знание, во-первых, должно иметь свой **праксис**, связь с Пользой, то есть с деятельностью, во-вторых, знание должно иметь своего носителя. **Носитель знания** — человек, способный его построить. Опять же для деятельности.

Исходя из этих двух условий, **назначение знания** в текущем времени следует рассматривать именно по отношению к деятельности. В данном ракурсе обнаруживаются две функции знания: оно предназначено либо для управления деятельностью, либо для функционирования (для реализации самой деятельности).

Если раскрывать знание снаружи системы деятельности, то важно отметить: знание выражается как первая функция: **знание нужно для деятельности**, например, для управления деятельностью.

Если раскрывать знание изнутри системы деятельности, обратим внимание на функцию вторую: знание **нужно для реализации деятельности**.

Разведение “категории” и “понятия”. Различие между ними — это различие между сущностью и существованием, между статикой и динамикой. По отношению ко мне, конечно.

Чтобы рассматривать категорию, необходимо развести “объект” и “предмет”, реальность и идеальную действительность схем.

Статика. Начнем с сущности (и со статики). Сущность надсистемного уровня выражается в **категориях**. Категория есть единица, завершенное целое, выделяемое в монадности данного уровня.

Категории и схемы. В этом ракурсе категории для нас статичны. Но статика категорий относительна, как и любая статика. Для нас в текущем времени мышление разворачивается в основном через **схемы**. Схема есть отображение категории в горизонтальной коммуникации.

В культуре сформировались четыре вида отображения: слово, число, геометрия и циклизм (язык волновых колебаний) [2]. Категории существуют для нас по преимуществу на схемах [6]. В статическом виде категория есть мыслительное содержание, надсистемное содержание, а схема — форма этого содержания, предъявленная нам в коммуникации. Категория есть единица надсистемного содержания, схема — его коммуникативная форма.

Динамика. Знание следует отличить от **знаков и понятий**. Проделаем это последовательно.

Знак и знание. **Знак** есть форма, и как всякая форма, он выражает содержание. Знание и есть объективное **содержание**, выраженное знаками. Только это уже горизонтальное содержание, системное. Итак, знание есть системное содержание, а знак (система знаков, язык) — его коммуникативная форма.

Знаки образуют системы и языки, самые разные, поэтому знаниевое содержание выражается в языковой (коммуникативной) форме [9].

Но знак не более чем картинка, имидж, образ. Нужно еще суметь выйти через картинку к ее содержанию, к знанию. И здесь мы связываемся с существованием и динамикой. Переход от формы (знака) к содержанию (знание) как раз и происходит в процессах коммуникации. В этом ракурсе язык живет, неся с собой знаниевое содержание.

Знание и понятие. Единица, монада, работающая в коммуникации, называется **понятием**. Понятие связано с **пониманием**, а понимание всегда процессуально.

Понятие есть применение **знания** для организации **понимания**.

Понятие есть единица системного содержания, знак — его коммуникативная форма. Принятое субъектом *понятие* и усвоенный им *знак* есть условие коммуникации.

Итог здесь следующий:

	Мышление	Коммуникация
Единица	Категория	Понятие как единица коммуникации
Содержание	Содержание категории	Знание как содержание коммуникации
Форма	Схема	Знак как форма коммуникации

Рис. 21. Три типа иерархии, участвующие в процессе понимания.

Возможен вариант более лаконично представленного итога:

	Мышление	Коммуникация
Единица	Категория	Понятие
Содержание	Логическое	Знание
Форма	Схема	Знак

Рис. 22. Иерархическое соотнесение конструктов понимания.

Остается нижний уровень — **уровень деятельности**. Деятельность не является коммуникацией: деятельность есть целереализующий механизм, а во времени она есть операции и процедуры. Процессуально деятельность может быть отражена в коммуникации как *технология*, как некая связь операций (алгоритм или сценарий связи средств и процессов деятельности). Иногда это называют “культурной нормой”.

Посмотрим на все сказанное из надсистемы. Основная единица верхнего уровня — категория — раскрывается уровнем ниже (в коммуникации) как: схема объекта — понятие — знаковая форма (язык) — операции и процедуры.

Рис. 23. Связка, представляющая категорию.

Здесь представлены основные *уровни*:

Рис. 24. Иерархия в деятельностном контексте.

Итог здесь следующий:

	НАДЫМИР	МЕНТАЛИТЕТ	ПОДЫМИР
	Мышление	Коммуникация	Деятельность
Единица	Категория	Понятие	Акт
Содержание	Категориальное	Знание	Цель
Форма	Схема	Знак (язык)	Технология

Рис. 25. Экран соединения иерархических связок, имеющих отношение к деятельности.

Итак, мы здесь удерживаем системный ракурс теории деятельности. И вывод состоит в том, что в деятельности пересекаются горизонтальная и вертикальная иерархии. В середине горизонтальной иерархии возникает понятие. В середине вертикальной — схема, представляющая содержание категории в коммуникации.

* * *

Задача регламентации деятельности не только внешняя. Она тоже повернута к субъекту. Что необходимо здесь на технологическом уровне? Довести до субъекта деятельности проект и план деятельности.

Для субъектного обеспечения деятельности надо довести до субъекта деятельности понятие, знак, проект и план. Это — явный крест (знание + понимание).

Проведем аналогии полученного построения с аксиологической четверкой:

	Ценности	СМД	Субъект
МЫШЛЕНИЕ	Истина	Схема	Проект
КОММУНИКАЦИЯ	Добро-Красота	Понятие-Знак	Понятие-Знак
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	Польза	Операции	План

Рис. 26. Соотнесение иерархии ценностей с иерархией конструктов деятельности.

Остается добавить в это построение три модуса времени.

Мышление	Будущее	Истина	Схема	Проект
Коммун-я	Настоящее	Добро Красота	Понятие Знак	Понятие Знак
Деят-ть	Прошлое	Польза	Технология	План реал-ции

Рис. 27. Соотнесение деятельности доминант с временными модусами.

Что мы в результате узнали про знание в этом ракурсе? Знание принадлежит коммуникации, обеспечивающей понимание, которое, в свою очередь, обеспечивает деятельность. В данном ракурсе **понимание** существует для деятельности [1]. Это — **коммуникативное обеспечение деятельности, живущее в настоящем**.

Но в другом ракурсе понимание связано со значениями и смыслами, поэтому в субъекте деятельности это проявляется как его общественная и личная мотивация, отображающая цель деятельности в установках. Смысл есть отношение мотива к цели деятельности.

Понимание обеспечивают значения и смыслы.

ДУХ	Логос	Мышление	будущее	ДЕТЕРМИНАЦИЯ
ДУША	Психо	Коммуникация	настоящее	МОТИВАЦИЯ
ТЕЛО	Сома	Деятельность	прошлое	РЕГЛАМЕНТАЦИЯ

Рис. 28. Иерархический контекст многоаспектно трактуемой темы деятельности.

Такая интерпретация полностью совпадает с составом культуры общества:

ДУХ	Логос	Мышление	будущее	ДЕТЕРМИНАЦИЯ	Знания
ДУША	Психо	Коммуникация	настоящее	МОТИВАЦИЯ	Ценности
ТЕЛО	Сома	Деятельность	прошлое	РЕГЛАМЕНТАЦИЯ	Нормы

Рис. 29. Социокультурный аспект иерархических связок.

Одновременно она полностью совпадает и с составом культуры личности, особенно в интересующем нас ракурсе:

ДУХ	будущее	знания	информация	ИСТИНА
ДУША	настоящее	установки	понимание = значения и смыслы (мотивы)	ДОБРО и КРАСОТА
ТЕЛО	прошлое	умения	нормы	ПОЛЬЗА

Рис. 30. Состав культуры личности, соотнесенный с экраном иерархических связок, имеющих отношение к деятельности.

Возникает предположение, что “деятельность” должна быть расположена между уровнями настоящего и прошлого. И у тела (прошлое) есть своя жизнедеятельность в настоящем.

ДУХ	Логос	Мышление	будущее
ДУША = ЖИЗНЬ Экзистенция	Психо	Коммуникация Деятельность	настоящее
ТЕЛО	Сома	Жизнедеятельность	прошлое

Рис. 31. Позиционирование деятельности на экране установленных связок.

Личная соматика запускается программой из прошлого и живет (осуществляет жизнедеятельность) в настоящем, а общественная деятельность запускается программой из будущего и тоже живет в настоящем. Они встречаются в актах деятельности, потому что живет только живое, а действует исключительно человек общественный. В этом центральном кристалле системного уровня обнаруживается несколько граней.

Гранью вверх повернуто понятие, а проявлением категории выступает схема.

Гранью вниз, к деятельности, повернуто знание, живущее в коммуникации в знаках.

Все прочие грани внутрисистемны. Они калокагатические, они обеспечивают коммуникацию. Здесь раскрывается поле значений и смыслов.

Калокагатический канал связан не с Мышлением, а с Менталитетом. И поскольку смысл здесь трактуется как *отношение мотива к цели деятельности*, вариантов — много: мотив может совпадать с целью (осмысленная работа), мотив может быть нейтральным к цели (нет смысла ни упираться на работе, ни бросать ее), мотив может противостоять цели (рабский труд, концлагерь), мотив может блокировать цель (например, забастовка, луддизм и т.п.).

Поведем итог. Мы обнаружили не только принципиальное различие Разума и Менталитета по отношению к Душе, но и удвоение середины, которая обычно называется Душой. Разум вырезает в ней узкую полоску, называемую коммуникацией:

Рис. 32. Различия ментального и рационального подходов к Душе в контексте иерархии “Дух – Душа – Тело”.

2.4. Эволюция философии и науки (в инвариантах 1-4)

Что лежит в основании. Если вернуться к основаниям, то следует еще раз пройти по нашим методологическим шагам: 1, 2, 3, 4.

Рис. 33. Числовая логика моделей.

1. Единое. Исходное первичное понятие просто постулируется (аксиоматика). Оно ниоткуда и никем не выводится. Это — монада.

2. Крест. В парном виде можно говорить либо о сущности, либо о существовании. Это — две особые взаимосвязанные философские оси, образующие стороны противоречия.

Мы используем в пространстве схем и крест, и прямоугольник с диагональю.

3. Иерархия (“общее — особенное — единичное”). Она связана с крестом.

Можно специально поговорить о смысле категории “особенное”. Если ее выводить из *пары и тройки вместе*, то в паре “особенное” может трактоваться как формально “запрещенное” третье (диагональ в схеме противоречия), а в тройке — как “наиболее богатый” средний уровень. Трактовка здесь лучше всего подходит системная: именно системная середина иерархии наиболее богата разнообразием.

2.4.1. Современность древнегреческой философии

Рассмотрим, как эти этапы проходила античная философия. И начнем мы с натурфилософов.

1. Единое. Всегда выступает началом. Постигнуть его можно только синкетически.

Монистические и органические взгляды философов милетской школы были нацелены на поиск “**физис**”. Первоначально “физика” означала **стремление постичь истинное устройство вещей**.

Милетцы не видели различий между материей и духом. Поздние греки называли их “признающими материю живой”, ведь у них не было грани между одушевленным и неодушевленным. Все формы существования наделены жизнью (по Анаксимандру, “пневмой”) и духом (по Фалесу, все вещи наполнены божествами). Они суть проявления “физиса”.

В шестом веке до н. э. не делалось различий между наукой, философией и религией. Цель первых философов и цель мистиков совпадает — это целое. Вот почему взгляды философов милетской школы близки взглядам древних индийских и китайских философов. Но греки пошли дальше.

Разрыв единства намечается в школе **элеатов**. Они признавали существование **Божественного Принципа**, иерархически высшего (над всем).

Первоначально его отождествляли с единством Вселенной, позже — с Божеством, **управляющим** миром (божеством разумным и персонифицированным).

2. Дополнительность/ На первом этапе дополнительность изменяющегося и неизменного представляют Гераклита из Эфеса и Парменид из Элеи.

a) Динамическая концепция Гераклита. Гераклит выразил вечное становление фразой: “Все течет”. Мир постоянно изменяется, иллюзорно все неподвижное сущее. **Первовеществом** природы является **огонь** — символ непрерывной изменчивости всего.

Постигнуть единое в динамике можно только циклически. Поэтому, по Гераклиту, *все изменения происходят в результате активных циклических взаимодействий*. А для взаимодействия нужны противоположности.

Он рассматривал каждую пару противоположностей как *единое целое*. Единство, стоящее над противоположностями, Гераклит называл **Логосом**.

Итого: единство становящегося — Логос. Логос раздваивается на противоположности. Их взаимодействие имеет циклический характер, процессуирует: “Все течет”.

Модель Гераклита соответствует системогенетическому закону 1 + 2, цикл и движущее противоречие.

б) Идея неизменяемого Бытия и понятие вещества. Взгляды Парменида противоположны взглядам Гераклита именно на модели креста. Парменид выдвинул свой **основной принцип** — **Бытие**. Бытие уникально и **неизменяемо**. Изменения Бытия невозможны.

Но тогда как же реальность? *Видимые человеком изменения* Парменид относил за счет иллюзорности чувств.

Концепция Парменида породила одно из основных понятий западной философии: понятие **носителя изменяющихся свойств** — неразрешимого **вещества**.

Бытие неизменно — вещество несет изменения.

3. Троичность. Иерархия

Надсистема. Физис и Логос — вот пока все содержимое *надсистемного уровня*.

Из **Божественного Принципа** элеатов, который всем управляет, возникло направление, отделившее материю от духа, породившее неистребимый дуализм западной философии. Причиной тому послужил инвариант иерархии.

Система. Переход к субстанциям. Естественно, греческие мыслители попытались примирить и синтезировать теории Парменида и Гераклита. Особенно активно это происходило в пятом веке до н.э., когда расцвела классическая философия. Следует учесть, что Физис и Логос принадлежали надсистеме, а свести их там невозможно. Потому был неизбежен переход к трактовке горизонтального, системного, мира. Принцип Бытия управляет всем, но обнаруживается это прежде всего в управлении миром видимым, системой, мезоуровнем.

Решить данную задачу был призван тезис о том, что **Бытие проявляется в определенных неизменных субстанциях**. Это — модификация Бытия (*первая материя* у Аристотеля). Причем если присмотреться, происходит модификация верхней качественной пары еще одной парой — количественной. Так возникает состав — четверка: это — **спектр** второго, системного, уровня.

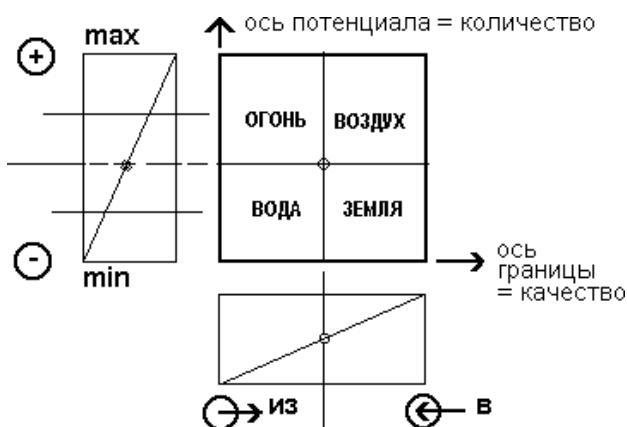

Рис. 34. Спектр системы, представленный как четыре субстанции.

Перед нами не просто развертка системного уровня. Спектр описывает его меру в развертке самозавершенных субстанций (сущностей). В варианте Эмпедокла первостихии — это **энергоспектр** Мира и начало — сфайрос, единое. Более поздний вариант Аристотеля уже не “натуральный”, а смешивающий abiотический и органический (влажность и сухость) подходы. Или, что скорее всего, здесь мы имеем дело с неточным переводом первоисточника средневековыми переводчиками.

Находясь уровнем ниже надсистемы, субстанции **своей комбинаторикой** (соединяясь и расходясь с силами любви и вражды) порождают все изменения в этом мире. Субстанции не являются вещами, но эти сущности лежат в основе вещей. Подобный комбинаторный прием был развит и Анаксагором.

Сам ход по развертке Бытия — сфайроса, апейрона, *первой материи* и т.п. — в субстанции или стихии, затем в вещи, имеющей форму, — горизонтальный. Это и есть принцип иерархии, приложенный к системному уровню. Он был логически осознан в пифагорействе. Соединение содержания (материи) и формы — “действительное бытие”. Интересно, что данный ход раскрывает нам и суть искусства: образ тоже есть соединение содержания и формы. Только содержание его — иное.

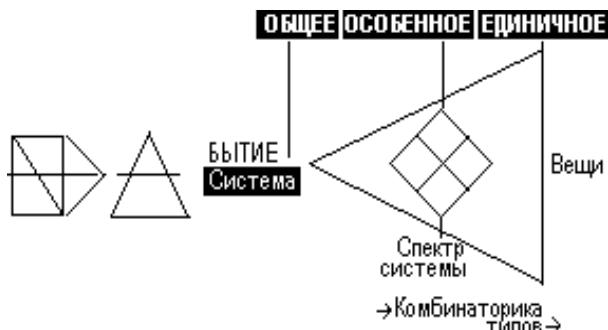

Рис. 35. Иерархия системного уровня.

Бытие управляет миром — в этом его главная особенность. Такой текстологический и кибернетический ракурс связывает его наличие с некоторыми целями, целым, циклами жизни системы. Но в системном мире Бытие и есть система, то, что удерживает системную целостность.

Естественно, возникли четыре варианта доминантного описания **генезиса мира**: в начале мира лежит субстанция (стихия) огня, воды, воздуха, земли.

Тем самым системный уровень этой типологией описан иерархически, и как состав, и генетически. Полное системогенетическое исследование в принципе завершено.

Далее был неизбежен переход еще на уровень ниже.

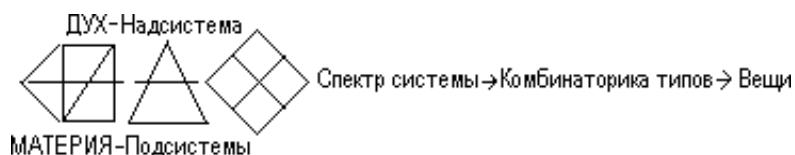

Рис. 36. Развертка системного (горизонтального уровня). Иерархический переход к подсистемному уровню.

Подсистема. Материя. Субстрат. Атомарная теория

Материя и путь к атомарной теории. Подсистемный уровень — **материя**. Она состоит из некоторого количества “основополагающих строительных кирпичиков” — нейтральных и неживых частиц, движущихся в пустоте.

Понятие **атома** описано у Левкиппа и Демокрита (хотя есть и другие варианты): это — мельчайшая неделимая единица материи. Атомизированная Материя есть **Субстрат**. В самом его определении содержится приставка “под-” (подоснова).

Идеальная внешняя причина. Раскрывая уровень материи, греческие атомисты должны были ответить и на вопрос о причине движения атомов. **Причина** ассоциировалась с **внешними силами**, которые не имеют ничего общего с материей. Возникает *идеальная внешняя причина движения и каузализм*.

Этим ходом мысли Дух был оторван от Материи — при помощи иерархии. И именно в вопросе о движении, в динамическом ракурсе. Если следовать иерархии, идеальная внешняя причина движения атомов совпадает с Логосом, но с Логосом внутри Бытия и на его микроуровне. Это — особая рамка, которую редукционисты игнорируют, чем и вносят путаницу в абсолютно логичное древнегреческое мироустройство натурального периода.

Итоги первого этапа

Условие: признание единства мира, Единого.

Раздвоение. Как ни парадоксально, единое двойственно: это — “единое статики” (чем все является) и “единое динамики”, Дао (из чего все происходит). В наших обще-научных терминах это и есть “принцип необходимости системо-генетики”. Системность мира и принцип развития — удвоенная суть системы.

Таким образом, разведение единого на статическое и динамическое (через крест) нельзя обойти. Древние греки, как мы видели, развели единое на *устройство и становление*.

Рис. 37. Фундаментальное раздвоение.

В таком сопоставлении видно, что управляющий Принцип — это ни то, ни другое. Принцип управляет системным настоящим (оттого Бытие и олицетворяется божеством разумным и персонифицированным). Ближе всего к нему *первая материя* Аристотеля.

Троичность. Дальнейшее развитие требует, чтобы неизменное было представлено как изменяющееся, единое — как множественное. Это можно представить только через внутриуровневое развитие, причем измерение здесь скорее количественное.

Принцип становления, “хода вещей”: Иерархия “общее — особенное — единичное” укладывается на системную “горизонталь”. Так неизменный Принцип “Бытие” превращается (веществом) в сменяющиеся “Вещи”:

Бытие — спектр субстанций — (*их комбинации*) — Вещи.

Комбинации — это действия. Если их убрать, получаем “тройку”:

“Бытие — спектр субстанций — Вещи”.

В парных пределах — “Бытие — Вещи” (содержание — форма).

Движения помимо вещей не существует, но решить проблему причины движения исходя из данного уровня невозможно. Можно только его констатировать в горизонтальной иерархии (в фазах).

Бытие в развертке “живет” в вещах и управляет ими. Но оно не является причиной. Причины хода вещей не бывает — бывает программа этого хода, сценарий во времени (иерархический сценарий Аристотеля: “Первая материя — спектр субстанций — формы”).

В парном виде: “содержание — форма”. Познание у Аристотеля происходит как раз обратным образом: от первых сущностей, чувственно воспринимаемых, форм, к вторичным, родово-видовым, т.е. к восходящей иерархии — к содержанию).

Принцип устройства. Есть и вертикальная ось устройства мира, куда иерархическая тройка “общее — особенное — единичное” тоже приложима.

Шаг, сделанный атомистами, был осуществлен в парных пределах: это — разведение нейтральной и пассивной Материи (состав, субстрат) и причин в ее (нечто каузальное над Материей). Здесь на самом деле идеальная причинность еще не обязательно помещается в надсистему — в Дух. Она просто выше субстрата по уровню — и все. Управляющее Бытие тоже вроде бы способно выступать в качестве причины по отношению к материю. Но что-то тут смущает: Бытие в развертке “живет” в вещах и управляет ими, а *причина* нужна воистину идеальная, оторванная и от Материи и от “хода вещей”.

Докрутить данный логический ход до конца недолго. Это сделал Платон, введя надсистемный мир Идей.

Развести Материю и Дух помогает вертикальная иерархия.

Если принять Бытие как системный уровень, то можно допустить, что надсистемный Дух содержит заодно и его “причинность”. Говоря сегодняшним языком, Дух содержит и программу Бытия в его исторической развертке.

Рис. 38. Модель иерархии, формирующая смысл причинности Духа.

Бытие тут скорее есть системная Душа.

* * *

Китайцы непременно свели бы это все в единую схему пятерки.

Попробуем и мы скрестить две иерархии, вертикальную и горизонтальную. В центре содержится исходная двоичность, но уже развернутая: стихии представляют динамику становления, сущности демонстрируют статику устройства, и это вместе взятое есть одно и то же.

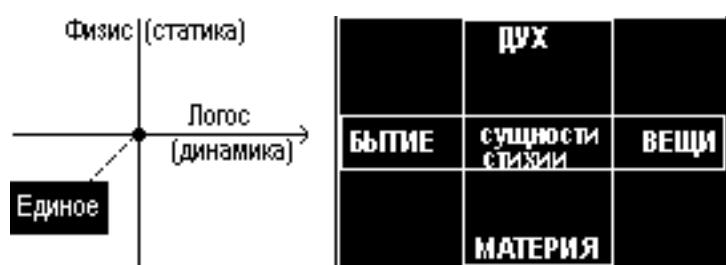

Рис. 39. Пятеричное представление ранней натурфилософии.

Переход к калокагатии

Как только натура была двумя этими иерархиями описана и объяснена, в греческой философии сменился предмет, а поколение натурфилософов отошло в архаику. Высшие итоги в методологии *натурфилософии*, несомненно, подвело пифагорейство, на которое боязливо оглядывались впоследствии все, но не в силах были понять его прозрения. Их

не понимают уже Платон и Аристотель. И неудивительно: предназначение методологии пифагорейства — удерживать каркас космоса.

С начала расцвета классической греческой философии в пятом-шестом веках до н.э. произошел переход от натурфилософии к философии социума и человека, а затем — к таксономии и логике. Таким образом, итогом ее развития стала формализация, которую последующие поколения принимали за высшую точку. Это очень похоже на времена И.-И. Винкельмана [60], когда идеалом греческого искусства служил Аполлон Бельведерский — маньеризм великого греко-эллинистического искусства.

* * *

В основании периода классики лежит этически окрашенная философия Сократа — социальная философия, в составе которой есть и антропология. Все прочее она объясняет через это.

Главным предметом нового этапа становится Душа. На первый план выходит аксиология: типы ценностей, калокагатия. Соответственно, сменился и метод — Сократ развивает герменевтический прием “повивальной бабки”, диалектики как беседы двоих.

Душа — другой, органический, ракурс Бытия. Она требует не абстрактной Материи, а Тела, Сомы. Модифицируется и Дух: его теперь нужно отнести к организму, к Душе и Соме. Так возникает проблема разума, ума, познания и знания. Проблема Духа, относящегося к Соме.

И возникает иерархическая вертикальная модель “Дух — Душа — Тело”, существующая только в самозавершенности организма.

Дальше можно разворачивать Душу в модусы. Происходит это по пифагорейским схемам, других пока нет.

Удвоенность и состав Души

Общественная Душа — субстанции. Ценности — это **Душа в ее общественной ипостаси**, развернутая как четыре *субстанции*.

Что характерно, развертку Души в **четыре типа ценностей** мы используем до сих пор, не задумываясь, что это — органическая модификация первостиший-субстанций. Их связь с первостилями очевидна: мы до сих пор говорим “огонь Истины”, “приземленность Пользы”, капризная **ветренность** Красоты, ценность Добра, меняющаяся в истории с неторопливостью текущих **вод**.

Интересно, что именно они, эти субстанции-ценности, комбинируются в истории, составляя суть конечных единиц общества — цивилизаций (по О. Шпенглеру, обладающих неповторимой душой). Здесь снова комбинация единого набора **особенного** (субстанций) создает исторически неповторимое **единичное**, и комбинаторика эта конечна (по Н.Я. Данилевскому), а потому и история конечна.

Общее в этом ряду — Менталитет, управляющий сценарием истории (Большая логика истории). Как общее, Менталитет есть Бытие для общества; четыре типа ценностей — уровень особенного, а исторически неповторимое единичное — цивилизации.

Личная Душа — сущности. Несомненно, отсюда берут начало и **четыре типа темперамента**, модель, которую предложил Гиппократ (сангиники, холерики, меланхолики, флегматики). Речь идет об *энергоспектре* Психо, проявленном в людях. Это “я” имею тот или иной тип темперамента, т.е. мне принадлежит часть энергоспектра, такова моя сущность. Перед нами уже не субстанции, а *сущности*. И типологически их — четыре.

Таким образом, в центре, в ядре, снова обозначена **удвоенная суть системы**. Душа — она и общественная, и личная; и сущность, и субстанция. И в обоих случаях она описывается инвариантом меры — четверкой типов.

Взаимодействие общества и личности в ракурсе Души составляет суть Культуры.

Все, что мы хотим здесь зафиксировать в итоге, — другую линию той же греческой науки. Сегодня мы называем ее гуманитарной и т.п., но нам важно, что она не натурфилософская. Ее мы сейчас развивать не будем, поскольку обращение к этой принципиальной теме — впереди.

А пока посмотрим, как повела себя первая ветка греческой философии, войдя в науку Нового времени.

2.4.2. Наука Нового Времени

Формула науки. В конце пятнадцатого века изучение природы начинается на базе науки. Ее устройство: умозрительные гипотезы + экспериментальная проверка. Связка Истины и Пользы.

Для научных теорий искали универсальный язык и нашли его там же, где нашел его Пифагор, — в математике. Но если отец философии Пифагор применял ее только к уровню Истины, то отец науки Галилей впервые объединил математику и... эксперимент (Пользу).

Наука есть связка Истины и Пользы, выраженная языком математики.

Отделение сознания от материи. В XVII веке Р. Декарт достиг полного разграничения материи и духа. Однако это мы уже видели у древних греков.

Декарт к тому же разделил Природу на *область сознания и область материи*.

У греков этого не было: при всей рациональности их мир гармоничен именно потому, что его обнимает мифологическое единство жизни. У Декарта материя превратилась в неживое, отдельное от нас, обладающее сознанием. Материя превратилась в агрегат.

Механика И. Ньютона, фундамент классической физики, изучала все тот же физис — устройство этого агрегата. В идеальном мире ньютоновской модели Вселенной соответствовал Бог-монарх, управлявший миром при помощи своих божественных законов — неизменных, раз и навсегда данных.

А что же область сознания?

Кредо философии Декарта: “Мыслю, следовательно, существую”. В нем человек есть “эго”, существующее “внутри” тела, отождествляющее себя со своим разумом (но не с организмом). Разум отделился от тела, как Дух — от Материи.

С вершин Духа нужно развернуться к экзистенции, чтобы управлять ею. Такова *сознательная воля*, которой, казалось, все подвластно. Она лежит в основе идеологии Просвещения.

Но скоро обнаружилось, что между сознательной волей и идущими из тела инстинктами нет согласия. У материи Сомы тоже обнаружились свои планы по поводу экзистенции и своя генетическая воля их воплотить.

Материальный мир из живого Универсума превратился в огромный сложный *агрегат*. Этот агрегат тут же начал дробиться на множество уровней и их частей. Такой взгляд на “внешний” мир с позиций раздробленности — основа аналитической силы науки. Механицизм незаменим для развития техники.

Однако, став менталитетом, именно такая наука привела нас к внутренней раздробленности. Осколки мира больше не связаны между собой. Мы воспринимаем мир как россыпь отдельных вещей, а время — как событийную пыль. Природа для нас

состоит из независимых частей, используемых группами людей с различными интересами. Человечество мы делим на общества, а их — на нации, расы, религиозные и политические группы и т.д.

Раздробленность механистического мировоззрения — причина всех современных кризисов. Она ведет к несправедливости (в распределении богатств и ресурсов) и насилию по отношению к другим. Но разве мы не целое?

Кризис классической науки сказывается в том, что наука как форма логического познания превращает мир в мозаику, но ее методы не могут обеспечить удержания целостности, что создает очень сложную гуманитарную проблему.

Попытка традиционной науки удержать целостность изнутри себя, рациональным образом, привела к появлению *системного и генетического подходов* (а теперь — к их связке в **системогенетике**). В меньшей мере это относится к синергетике, которая скорее продолжила линию тектологии и кибернетики (достижение управляемости).

Между тем прорываться к идеальному миру можно не только **через познание**, но и **через понимание** (сопровождаемое рефлексией). Эти процессы, их различие и возможности сближения стали ядром философских дискуссий всего последнего столетия, в том числе и в генетическом ракурсе.

2.4.3. Переход от классической науки к современной "неклассической"

Мысли по поводу Бригта. Мы использовали в качестве канвы первую часть работы Г.Х. фон Бригта “Объяснение и понимание”, опубликованную в Лондоне в 1971 году (см. <http://www/philosophy/ru>). В ней нас заинтересовала только часть, относящаяся к трактовке позитивизма, а выкладки по поводу герменевтики показались нам слишком специальными и на сегодняшний день уже не столь актуальными, как полвека назад.

Если “особенное” выводить из сочетания пары-креста и иерархической тройки (“общее — особенное — единичное”), то особенное можно трактовать как **линию экзистенции**. Особенное и есть жизнь. Перед нами — линия **акционизма, деятельности**. И понятно, почему именно она связывается с герменевтикой, значениями и смыслами, менталитетом, калокагатией (линия “Добро — Красота”) и т.п.

Но тогда как трактовать линию сущности? Для науки сущность описывается вертикалью (линия “Истина — Польза”) через **причинность**. И в этом случае мы видим два уровня предела:

- верхний уровень = закон,
- нижний уровень = эмпирическая причинность.

Поскольку речь о сущности, скажем, что это — статика. Пределы статики в позитивизме удерживают *номопозитивизм* и *эмпиориопозитивизм*. В любом случае это — **каузализм**.

Примерно это осевое разведение соответствует соотношению наук о природе и наук о человеке.

Как развести причинность и действие в двух разных ракурсах? Как здесь выглядит одно и то же, например мотивы и события? Взаимообратно.

Каузалист свяжет интенции и мотивы с *причинами*, а действия — с *событиями*.

Акционист свяжет мотивы с *действиями*, а события — с *причинами*.

	мотивы	события
Каузалист	причины	действия
Акционист	действия	причины

Рис. 40. Комбинации соотнесенности в статике и динамике.

По каузалисту, решающая роль в понятии **причины** принадлежит эксперименту. Так как эксперимент — *действие*, то понятие действия оказывается более фундаментальным, чем понятие причины.

Действия человека *не могут* иметь причины, они имеют только мотивы.

Теория действия, или деонтическая логика Вригта, движется от логики к объяснению действий.

Вопросы **объяснения** пронизывают философию в целом и философию науки в частности.

Две традиции. В исторической перспективе причинный и целевой подходы связаны с двумя традициями мышления: понять мир можно телеологически или объяснить его каузально — это, условно говоря, “аристотелевская” и “талилеевская” традиции мышления (способы видения мира). (Кстати, Гегель — это Аристотель Нового времени.)

Различие традиций — это различие между объяснением и пониманием, психологическими и семантическими аспектами.

Позитивизм — одно из направлений философии науки.

В нем заложен методологический монизм: подчеркивается единство научного метода. В позитивизме устанавливается **идея подведения явлений под общие законы**. Математический аппарат — формальная строгость как идеал совершенства науки.

Разноплановые понятия науки должны быть нанизаны на **один стержень**, схвачены **одним принципом** — тогда наука предстанет иерархически организованной системой. Это происходит благодаря таксономическим операциям (типологизации, классификации, систематизации и т.п.).

Аналитическая философия выглядит как продолжение и расширение линии позитивизма.

В дальнейшем представляют интерес такие этапы, как:

- теория научного объяснения (охватывающего закона) Гемпеля;
- конвенциализм — закон как “договоренность”; различие номической необходимости и случайного единообразия;
- номологическая и вероятностная модели.

Все больше проявляет себя телеология — методология наук о поведении и социальных наук. Интересно, что кибернетика выступает здесь как причинное истолкование телеологии.

Герменевтика всегда выглядит как реакция на методологический монизм. Таков, например, неявный антипозитивизм лингвистической философии [61].

Следует заметить, что термины Вригта не представляются нам адекватными описываемой им ситуации в науке. Ведь по сути дела он говорит не о позитивизме, а о более поздней ветке — прагматизме. Здесь все меняется.

О понимании и рефлексии. Дальше мы идем без опоры на Г.Х. фон Вригта, а используем наши ранее опубликованные работы [1-8].

В разные времена к функциям герменевтики относили не только **истолкование**, но и **выражение**, а также **сообщение**, она воспринималась то как метод правильного истолкования чужой речи, то как логика и риторика, то как простая операция ретрансляции, в ракурсе функции и целей, интенциональности и т.п. Постепенно ведущее значение приобретала деятельностная трактовка, и сегодня герменевтика трактуется как **деятельность понимания**. Содержание **понимания** требует привлечения *и значений, и смыслов*, но, поскольку понимание личностно (понимаю я), как и направленность герменевтики в целом, именно **смысл** и смыслообразование чаще всего выступают как результаты герменевтической деятельности. Таким образом его трактует и московский

философ В.Г. Кузнецов: **понимание есть постижение смысла** — это своего рода универсально-философская формула для герменевтики.

Что привлекательно в герменевтике, так это родство ее проблем с комплексом проблем, интересующих здесь нас. Но в то же время постижение не сводится к герменевтике: оно — шире. Представляет интерес, как трактуется понимание в области филологии. Г.И. Богин, автор **филологической герменевтики**, заключает, что понимание — это освоение художественной **содержательности**, где **содержательность = содержание текста + его смысл**. Это, пожалуй, самое интересное из ряда определений, потому что пониманию тут отводится не только традиционная роль “*освоения смысла*”, но и менее традиционная — **освоение содержания** текста в совокупности с постигаемыми смыслами, что приписывалось ранее лишь познанию. Можно сделать поправку на художественность текста (поскольку перед нами — *филологическая герменевтика*), но тогда это определение потеряет свой всеобщий статус. Однако можно и развить его.

Наиболее широкую трактовку *взаимоотношения понимания и рефлексии* предлагает автор монографии “Художественная герменевтика” Т.В. Зырянова: “...в узком, практическом смысле рефлексия есть средство, понимание — цель. Различаются они при всей родственности свойств характером отношения к смыслу, смыслам: если понимание — это движение к смыслам, то рефлексия есть движение в смыслах, т.е. рефлексия проявляется в действии с уже наличествующим смысловым полем и имеет дело с фрагментом некой целостности, а понимание распространяется на художественный текст как на абсолютную целостность. Проекцию рефлексии можно представить как окрашенный смысловым наполнением сегмент в круге, где круг и есть целостность художественного текста; проекцию понимания — как окрашенный смысловым наполнением круг, художественная целостность языкового текста во всей самодостаточности и полноте воплощения” [9]. Из цитируемого фрагмента вытекает, что *работа понимания* несет с собою смыслы, а *работа рефлексии* состоит в некой фиксации и структурном связывании уже образовавшихся смыслов.

Герменевтическая методология — часть интересующего нас комплекса, где осуществляется связь познания и понимания.

2.4.4. Основные линии развития науки в XX веке

Что же на этом фоне представляет собой современная западная герменевтика, и почему к ней в XX веке столь внезапно обратился именно Запад? Если коротко, герменевтика и является ядром метода **экзистенциализма**, стремящегося к восстановлению целостности на одной платформе. Целостность — внутри человека, и обратить внимание на это только мог западный атомарный человек, достигший стадии полной отделенности от общества [16].

В данном повороте темы становится понятен рационально-онтологический взгляд М. Хайдеггера и его последователей на трансцендентальную экзистенцию — а как иначе “всехняя” *рационалистическая* философия Запада может осмыслить *иррациональное существование*, принадлежащее отдельному человеку? Из хайдеггеровского поворота рождается “кентавр экзистенциализма”, в развертывании которого последовательно реализуются все ракурсы традиционной европейской философии и науки: гносеологический, методологический, аксиологический — этический, эстетический, вплоть до экзистенциальной психологии и т.п. В любом варианте взгляд на экзистенцию продиктован позицией Истины, т.е. взрерием со спирали общественного интеллекта на спираль экзистенции.

Вторая возможность приближения к человеку, подсказанная аксиологией Нового времени, — переход от ценности Истины к ценности Пользы. Абсолютизация Пользы

— это **прагматизм**, в основном американский, который усиленно прикидывается философией [11]. Чтобы удержать этот статус, американцы старательно дробили само понятие “философствование” до тех пор, пока не появились новообразования типа “философия рекламы” и “философия будуара”. Но ни Ч. Пирс, ни У. Джемс, ни Д. Дьюи не были философами в европейском понимании: один основал семиотику, другой — особую ветку психологии, а третий — теорию проектирования и рационализации управления. Немудрено, что кибернетика и теория информации вскоре математически оформили уже назревший здесь набор идей. Прагматизм конкретен и принадлежит отдельной личности, но американцы смогли построить на этой основе еще и прагматичное общество — так оно себя ведет и рефлектирует [17]. Советский прагматизм некоторое время был его конкурентом и даже вовсю применял идеи Дьюи, однако в его основе были не отдельные прагматичные личности, а бесправные винтики. Подобный вариант прагматизма в чистом виде у нас не выжил, хотя кто его знает: он ускоренно трансформируется сейчас в России в русско-американский тип, а советско-китайский групповой прагматизм и иже с ним все еще живет и даже расцветает.

Третья возможность, приближающая к синтезу рацио и иррацио, — помещение в центр внимания каналов *связи человека и общества*. Этот путь можно назвать *срединным*, на самом деле он формально-срединный, технический, поскольку базируется прежде всего на установках науки и техники.

Отсюда, из осознания важности канала общественной **коммуникации**, исходит и понимание языка у М. Хайдеггера (язык есть дом Бытия), и философско-лингвистическая проблематика языка у Л. Витгенштейна, и вся последующая “революция языка”, и семиотика в науке XX века. На этом перекрестке были осмыслены и проблемы “ментальности”, о чем мы говорим отдельно. Трактовки этики, эстетики и искусства-знания в данном ракурсе оказались наиболее плодотворными в XX веке, причем от марксистских до чисто технически-информационных. Сюда же относятся проблемы коммуникации как общения и т.п. — все, что дислоцируется между человеком и любыми проявлениями общественных групп.

Слияние линий прагматизма и срединного пути (*связки человека и общества*) в определенной мере породило **“деятельностный подход”**: сама деятельность реализуется человеком, но имеет общественную обусловленность и коллективный характер [1].

Наконец, попытка традиционной науки удержать целостность изнутри себя привела к появлению **системного подхода, генетического подхода** (а теперь — к их связке в **системогенетике**) [15] и в меньшей мере — **синергетики**, которая скорее продолжила линию тектологии и кибернетики.

Литература:

1. Александров Н.Н. Звезда деятельности (Введение в общую теорию деятельности). — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 222 с.
2. Александров Н.Н. Числовые инварианты в менталитете. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 475 с.
3. Александров Н.Н. Понимание времени. Культура и циклы. Избранные статьи. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 446 с.
- 4 Александров Н.Н. Эволюция ментального хронотопа. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 434 с.
5. Александров Н.Н. Формула истории. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 516 с.
6. Александров Н.Н. Экзистенциальная системогенетика. — Кострома: Изд-во КГУ, 2000. — 734 с.

7. Александров Н.Н. Методология системного исследования генезиса социума. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. — Нижний Новгород: НГАСУ, 2002. — 280 с.
8. Александров Н.Н. Козлов В.Д., Крючков Д.А. Конкуренция и конкурентоспособность. Основные понятия и история их становления. — Нижний Новгород: Изд-во ВВАГС, 2004. — 168 с.
9. Зырянова Т.В. Художественная герменевтика. — Тольятти: Изд-во Фонда “Развитие через образование”, 1997. — 330 с.
10. Сороко Э.М. Концепция уровней, отношение, структура (к методологии социологического исследования). — Минск: Наука и техника, 1978. — 160 с.
11. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени / Пер. с англ., сост. и предисл. Т.С. Васильева. — М.: Наука, 1997. — 351 с.
12. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В.В. Сапова. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного Института, 2000. — 1056 с., илл.
13. Субетто А.И. Творчество, жизнь, здоровье и гармония. (Этюды креативной онтологии). — М.: “Логос”, 1992. — 204 с.
14. Субетто А.И. Социогенетика: системогенетика, общественный интеллект, образовательная генетика и мировое развитие. — СПб-М.: ИЦ ПКПС, 1993. — 172 с.
15. Субетто А.И. Системогенетика и теория циклов. В 2-х книгах. — М.: ИЦ ПКПС, 1994. Часть I — 284 с.; Часть II — 321 с.
16. Субетто А.И. Россия и человечество на “перевале” истории в преддверии третьего тысячелетия (избранное). — СПб.: ПАНИ, 1999. — 828 с.
17. Субетто А.И. Ноосферизм. Том первый. Введение в ноосферизм. — СПб.: ПАНИ, 2001. — 591 с.